

Виктор Зернов

КУЗЬМИЧ

Виктор Зернов

Кузьмич

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Зернов В.

Кузьмич / В. Зернов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Роман в большой степени автобиографичен, и пёс играет в нём важную роль, окрашивая жизнь в неожиданные яркие цвета, демонстрируя верность и неподдельную дружбу. В этом, действительно, нуждаются герои, вовлечённые в ситуацию, на которую они не в силах повлиять. Ход событий навязывается людьми из так называемых властных структур, возомнивших себя создателями нового, уютного для них миропорядка, подбирающих себе сторонников, не стесняясь в выборе средств. Путешествия, рыбалки и другие с юмором описанные приключения оттеняют главную тему, делая её более рельефной.

ХОЗЯИН СОБАКИ. НАЧАЛО.

Познакомились мы с ним ещё в Москве, и собака у него уже была – ротвейлер, мальчик по прозвищу Кузьмич. Говорят, что хозяин похож на свою собаку, мне тоже так показалось, хотя я, может быть, очень впечатлительный. Конечно, я сначала познакомился с Борисом Шориным, а уж когда стали общаться, и с его питомцем. Сам Борис был крепко сбитым парнем около 40 лет с мужественным лицом, на котором грубо были вырублены нос и скулы, с оттенком упрямой целеустремлённости. Он был очень подвижным, плохо слушал варианты и мог сломать чужое мнение, даже не заботясь об этом. А познакомились мы с ним на заводе, где я работал наладчиком станков, которые этот завод производил. Борис эти станки принимал как представитель заказчика, а я их ему сдавал. Для этого нужно было провести испытания по разработанному обеими сторонами регламенту и, если все требования регламента были выполнены, подписывался приёмо-сдаточный акт. Но до подписания акта надо было помучиться, потрепать нервы, да и понести расходы на сувениры, закуску и выпивку. Сувениры были слабенькими, да и ассортимент небогатый скоро был исчерпан. Вымпелы, значки, брелоки и другая мишура перестали интересовать требовательного приёмщика. Закуска («вот мне бабушка из деревни прислала») могла в разумных скромных пределах варьироваться и была всегда кстати, так как выгодно отличалась от столовской, да и выпивку, без которой закуска просто становилась едой, в столовой не подавали. А так как Шорину ничто человеческое было не чуждо, он себе позволял. Здесь было много хитростей, и приходилось действовать по обстановке, так как Борис, при всём своём грехопадении, хотел оставаться добропорядочным и на прямое предложение просто выпить мог и не согласиться. Категорический отказ вёл, как правило, к возникновению сложностей, что в любом случае становилось сложным для всех. У директора появлялась неприятная продукция, у меня сомнение в уже посчитанной премии, один Шорин оставался весь в белом и в противоречиях, которые надо было ликвидировать всеми возможными средствами. Значит, априори не надо было доводить ситуацию до неприятия Шориным алкоголя, играя спектакль, как говорится, на мягких лапах. В общем, или случайный спирт, оставшийся из выделенного для протирки оптических осей, или самогон из деревни, или какой-нибудь напиток, который был прислан из-за моря, жутко экзотический, которого никто из окружения и не пробовал. Что-то покупное мы выпивали по поводу дней рождения, праздников, годовщин. На этих спонтанных сборищах присутствовали и женщины из нашего коллектива, которых Шорин уже хорошо знал и оказывал им знаки внимания. Несмотря на повторяемость, Борис дат рождения никого не помнил, но при возникающей суете догадывался, по поводу кого. На своём дне рождения он тоже не заикливался и был бы, наверное, снисходителен, если бы о нём забывали. Но мы не забывали, и он был этому искренне рад.

Конечно, Шорин понимал весь смысл хоровода вокруг него, но роли были распределены, и каждый играл свою. Что-то было само собой разумеющимся, обычным, а что-то являлось данью традициям. Было даже интересно, но очень утомительно, особенно для нашей стороны. Начальник ОТК выбрал себе роль начальника, командовал, распекал, уговаривал и побеждал, в то время как его войско в моем лице несло урон, подвергая себя истязаниям алкоголем, жирной закуской и беседами делового и личного характера. В целом, правда, беседы были очень даже дружескими. Оба были, да и сейчас остаёмся, рыбаками, и эта бесконечная тема занимала нас на долгие часы, что обламывалось нам дома, куда мы, хоть и в разные концы Москвы, являлись весьма «освежёнными» и поздней ночью. Но об этом позже и подробней, а пока надо добить непробиваемого Бориса его недостатками, которые он мило именовал принципами. Впервые, он не собирал на стол, ничего не резал, не раскладывал, но постоянно при этом раздавал комплименты тем, кто этим занимался. Это нас не успокаивало, а напротив, раздражало, а когда он при этом приговаривал: «Что, краёв не видишь?» или «Не подаяние, небось, наливай по полной», – его выпендрёж казался вызовом. Но он просто таким был, и все попытки его урезонить и склонить к общему труду были тщетными, так как он знал, что мы никуда не

денемся и всё равно нальём и нарежем. Изучение этого феномена было как занимательным, так и бесполезным, хотя кое-что и удалось выяснить со временем.

У Бориса в семье были одни женщины, не считая зятьёв: жена, две дочки и три внучки. Правда, когда мы встречались на заводе, у него ещё внучек не было, да и зятьёв тоже. Предположительно, за ним как за единственным мужчиной в доме ухаживали, оказывали знаки внимания и тем самым воспитывали у него повышенное уважение к себе, любимому. А ему мужицкого воспитания было недостаточно, но он, видимо, от этого не страдал (я имею в виду личную жизнь). Был он по-своему талантлив, играл на гитаре, сносно говорил по-английски, да и на всякие выдумки был горазд. Его образ, к которому нужно будет изредка по мере повествования обращаться снова и снова, дополняла его внешность. Хоть и не был он кудрявым, а на арапа похож был весьма. Чуть ниже среднего роста, крепкий, но не коренастый, смуглый, черноволосый, с упрямым по-детски лицом, что подчёркивалось мясистым носом, пухловатыми губами и блестящими с потаённым вызовом тёмными глазами. То есть, такой избалованный упрямец, готовый к изнасилованию окружающих, причём даже без видимой цели! Никаким спортом Борис не занимался, имея отличное здоровье, видимо, эксплуатируя гены кого-то по «матерной» линии, как он говорил. Во всяком случае, армрестлингом с ним заниматься решались немногие, только после выпитого, возбуждающего детский энтузиазм. Он незлобно изрекал, что от спорта никакой пользы, и казалось, что победы рук его особенно и не радовали. Женщины его по-настоящему не увлекали, впрочем, определённо интересовали, но так, временами. Называл он их курочками, оценивал как-то поверхностно и неубедительно. Однако женщины его понимали, а некоторым нравился его пофигизм и то, что он был похож на арапа Петра Великого не только своей смуглостью, но и навязчивым нахальством. Разговоры о дамах он одобрял, но чтобы при этом его воодушевляла эта тема, весьма сомнительно. То есть, в цветах он не разбирался, а про икебану мог задумчиво поговорить.

Никогда не думал, что написать даже короткий рассказ, используя хорошо знакомый материал, стоит такого труда и силы воли, которой нам занять где-либо невозможно. Мало того, что должно писаться, так ещё надо себя заставить сесть, утрястись и просто-напросто начать. Сразу в голову лезут всякие идеи о том, как организовать работу, чтобы она одновременно была полезной и приятной. Например, не совместить ли её с приёмом пива и только что купленных солёных палочек и рыбы. Понимая, что совмещение ни к чему, кроме пачкания бумаги чернилами и рыбьим жиром не приведёт, временно эта идея откладывается. Но так как это время определить затруднительно, то в процессе писания ты к этой идее возвращаешься, что не только мешает творчеству, но и вызывает к себе жалость. А жалость губит творчество на корню. Вот так и пишется эта повесть, и я не скажу, что отвлечение на пиво очень влияет на качество, так как главное – вспомнить главное (шутка), а остальное наслаивается, громоздится на воспоминания, окрашивает их в удобные цвета, толкает на додумывание и придумывание различных мелочей, которые не всегда точно прорисованы, но украшают повествование.

Укреплению наших отношений с Борисом способствовали разговоры о рыбалке, беседы о специфических способах ловли и, конечно, сама совместная рыбалка. И в этом увлечении Шорин тоже настойчиво и без признаков колебания гнул свою линию – он вообще не ловил на удочку. Все эти удилица, лески, крючки он на дух не переносил. Нет, он знал, как ловить на удочки маховые и донки, но признавал их только в случае ловли малька для последующей охоты на хищника. Многие знакомые рыболовы считали, что он выпендривается, подшучивали порой даже грубовато над ним, но ему это было совершенно «побоку», он отбивался и обзывал их всех «червячниками».

Надо вместе с тем признать, что рыбацкая романтика в нём жила и, когда с ним заводили разговор о новом месте, якобы кишашем рыбой, то он скорее соглашался на предлагаемую авантюру, чем приводил неопровержимые доказательства и смелые предположения о заведомом фиаско выдвинутой смелой идеи. После того, как наши рыбацкие души несколько сблизились, мы выбирались несколько раз на подмосковные водоёмы и зимой, и летом, и даже выезжали в Васильсурск, где ему достался по наследству постаревший бревенчатый дом на склоне высокого холма, круто сползающего в великую Волгу. Про Васильсурск особый разговор, а под Москвой нас угораздило забираться в такую глухомань и бездорожье, что заниматься рыбалкой было практически некогда. Большую часть времени мы вытаскивали то себя, то машину и, несмотря на все наши победы на этом поприще, чувствовать себя победителями сил уже не было. Чего-то мы ловили, правда, трофеев не было. Борис своих принципов не менял, исправно чистил рыбу, но готовил и наливал я. От зимней рыбалки он как-то быстро отказался, смущённо, как бы стесняясь, пожал плечами и сказал, что мёрзнет и это ему не нравится.

ВАСИЛЬСУРСК. ЗАРОЖДЕНИЕ МИСТИКИ.

В Васильсурске на самом верху холма, чуть выше дома, где мы расположились, стояла добротная сработанная скамейка, на которой было удобно сидеть и устало расслабленно созерцать раскинувшуюся вдаль от подножья холма панораму. Без преувеличения зрелище это действительно поражало воображение своей нереальностью. На фотографии открывающийся вид дельты реки Суры, впадающей в Волгу, не дал бы пищи к восхищению, а простое рассмотрение всей панорамы в деталях вызывало чувство нереальности, позволяло ощутить величие природы. Можно сказать, что внутри возникало подобие паники от мысли, что ты окажешься (а такие мысли были) в этом лабиринте бесчисленных протоков, озёр, островов, поросших кустарниками и деревьями, и не сможешь потом выбраться. Местные нам подтвердили, что были случаи, когда рыбаки пропадали на несколько дней, и по возвращении рассказывали о своих приключениях. Вроде бы всё было просто, и дорогу они примечали сознательно, только поиски проходимых протоков (лодка не всегда могла проплыть по намеченному пути из-за поваленных деревьев и мелководья) заставляли изменять маршрут, и, несмотря на то, что и это тоже вроде бы учитывалось, в конце концов, возвращение в начальную точку коротким путём приводило в совершенно уже незнакомое место, а через какое-то время появлялось ощущение разочарования в своих способностях ориентироваться.

Вот так и приходилось ночевать на одном из островов, где можно было найти приподнятое сухое место для лагеря и костра. Выплывали эти неудачники, как правило, за самой дальней точкой панорамы, то есть, где Волга смешивалась с Сурой, и приходилось оплывать весь этот зелёный таинственный массив против часовой стрелки, чтобы достичь причала в Васильсурске, куда приставал паром, приходящий с «московской» стороны. Эту сторону можно было назвать и нижненовгородской, так как мы с Борисом, стартуя из Москвы на автомобиле, направляясь в васильсурские края, пересекали и Нижний Новгород. С учётом приключений, рассказанных нам местными, мы не мешкая (а о хорошей рыбалке в «затерянном мире» было много поведано), направились туда, грезя о массивных фантастических окунях и щуках. Если кто помнит фильм «В дебрях Амазонки», то увиденное нами очень напоминало атмосферу того фильма, разве что не хватало крокодилов. Дюжины проток, гряды, островки, куча завалов, топляков, какое-то бесконечное море сухостоя и зелени, заполонившее землю и воду. С островков и гряд спускались в воду среднерусские лианы, и было затруднительно выйти на твёрдую землю, не боясь провалиться в прибрежное болото. Шли на вёслах, опасаясь включать мотор и повредить винт. Направление движения с самого начала контролировали компасом, однако уверенности не было, поэтому присутствовали и страх, и предчувствие чего-то неожиданного. Пробовали ловить рыбу спиннингом, но ничего путного не выловили, если не считать двух ладошечных окуньков. Как ни странно, на Бориса напало непривычное молча-

ние, никаких идей, энергия отрицательная, лицо затуманено фатализмом. Чтобы не выискивать приключений, повернули домой. На выходе из «джунглей» заметили байдарку, слегка качающуюся на ряби. Рыбака видно не было – ну чисто «летучий голландец». Напряглись, но приблизились и увидели лежащего на дне рыбака в спортивном костюме, спиннинг лежал на борту, блесна беспомощно болталась, слегка касаясь воды. «Убили что ли?» – тихо и бесстрастно сказал Шорин и брызнул в рыбака пригоршней воды. Тот резко вскочил и чуть не вывалился за борт. В воздухе слегка запахло спиртным. «Ну, вы чего?» – вопросительно и утвердительно негромко произнёс парень. На вид ему было лет 30, и на парня он точно претендовал. «Ты один?» – сразу настроился на деловой тон Борис. «Ну да, рыбу ловлю вот», – смурно констатировал рыбачок и показал на свисающий в воду садок. Не будучи уверенным, что мы поняли смысл сказанного, он поднял его из воды. В нём плескались десятка полтора окуней грамм по 200. «И что, крупнее-то нет?» «Да есть, но не клюют, заразы», – попыток жил парень, бросил садок в лодку, поднял с другого борта какую-то железяку, служившую ему якорем, и ухватился за вёсла. «Ну, и ладно», – к чему-то сказал Шорин и поглядел в сторону заката. Стало ясно, что нам тоже пора братья за вёсла и направляться к ужину, который придётся ещё готовить. Чувствовалось, что «джунгли» не собираются нас отпускать, но и наказывать тоже не хотят, так просто, предупредить. Не было желания ни говорить, ни попыток вать, нас придавило тишиной и какой-то, пусть временной, безысходностью. Мы крадучись плыли без птиц, без всплесков рыбы, лёгкая пасмурь и невесомость – так, наверно, идут в никуда. Подобное случалось со мной и ранее, объяснение этому трудно придумать, это как мягкое доказательство мощи и бесконечности природы, вопиющее ощущение своей уязвимости и ничтожности. Вот такой неприятный, молчаливый, настойчивый монолог Вселенной. А может быть, просто стечение обстоятельств, мистика, предупреждение. Сошлись в этом месте какие-то векторы, какие-то линии, волны чуждой энергетики, вот-вот водяной протянет свои мохнатые дьявольские лапы с кривыми ногтями и будет издевательски хохотать и кривляться. И действительно, казалось, что проплывая мимо заросших неправильной формы островков, мимо стоящих в воде деревьев, наполовину сгнивших и готовых вот-вот рухнуть, огромные тени двигались вместе с нами, чуть-чуть сзади, как бы раздумывая, накрыть нас внезапной непогодой или ещё подождать. Мотор можно было уже завести, однако с включённым двигателем ориентироваться в хитросплетениях протоков затруднительно, не хватает времени в выборе правильного направления. Грести было нетяжело, мы интуитивно выбирали курс, упираясь в очередную развилку, тем более что стало посвежее, и мы отнесли это явление к приближению большой воды, то есть Волги. Одна из протоков показалась нам сравнительно длинной и явно пошире. Движок завёлся с трёх попыток, заработал ровно и уверенно, и мы молча рассекали выбранную речушку, не ожидая быстрого избавления. Высокие заросли кустарника и камыши на мыске загораживали горизонт, поэтому большая вода оказалась скорее неожиданностью, чем достигнутой целью. Лодка медленно двигалась по Волге, покачиваясь на волне, а мы никак не могли освободиться от оцепенения, от какой-то пришибленности, даже не разговаривали. Один только раз Борис спросил, махнув рукой в направлении левого уха: «Туда, что ли?» Я с трудом повернулся против часовой стрелки, чтобы взглянуть, куда движется лодка, но не нашёл никакого ориентира. Наш берег был далеко, и даже наше высокое вроде бы место трудно было определить. Ничего не оставалось, как по-дурацки сказать: «Держи прямо». Понимая идиотизм ответа, Шорин не возразил, как обычно в таких случаях, а молча кивнул головой, а может мне показалось. Темнело, поднялась волна, брызги били мне в спину, но даже думать о том, что через короткое время я буду насквозь мокрым, было совершенно лишним. Забыв про галсы, мы тупо шли, постепенно пересекая Волгу. Борис поймал ориентир и, напряжённо всматриваясь во что-то на берегу, слегка наклонившись вперёд, удерживал руль. «Здесь тоже можно пристать, – сказал он вдруг. – Двести метров – пустяк, никого здесь нет, вон коряга, вокруг неё цепь пропустим, замком замкнём. Да и тропа тут более пологая, мотор легче нести».

Спорить не хотелось, одежда мокрая, сумерки неизбежно надвигались. Товарища я знал уже хорошо, видно, всё уже за меня решил. Да гори огнём родная хата! Сделали, как сказано. От моей помощи Борис отказался, мотор допёр до самого дома. Темнота ожидаемо упала. Переодеться мне сразу не дали, пришлось сделать два бутерброда, налить, сказать тост за преодоление и выпить..., а уже потом очень быстро переодеться и не менее быстро приготовить поесть. Разрешение приготовить изысканные рожки с тушёнкой здорово сэкономило время, и пока варились рожки, завязался разговор под небольшое количество, а когда «стол» был накрыт, беседа волнообразно перетекла в русло «высоких» материй. Оказывается, по рассказам родственников жены Бориса, которые жили раньше в этом доме, сам городок Васильсурск располагался напротив остатков Васильсурской слободы. Если смотреть из городка или слободы, виден огромный зелёный остров, кажется, что это просто противоположный берег. Мы тоже так думали, пока не попали в огромное скопище сотни островов и островков, проток и водных тупиков. Там мы и потерялись.

За этой таинственной чёртовой мешаниной расположена республика Марий Эл. Борис считает, что этот узел и есть средоточие каких-то тёмных бесовских сил, пересечение властных линий, где отчётливо чувствуется пульс чуждого нам мира, защищённого от постороннего вмешательства. Мало того, этот мир активно сопротивляется и не признаёт человеческий разум. Мы выбрались оттуда, потому что не были агрессивными и коснулись лишь маленького кусочка этого монстра.

Посёлок ранее назывался Василь и соседствовал с марийским поселением Цепель. Марийцы тогда назывались черемисами, да и места были совсем другими, более гористыми и богатыми озёрами и ручьями, многие из которых считались святыми, местные пили из них воду и купались, надеясь на целебные свойства воды. Сохранились легенды об Аннинском озере, в котором утопили дочь марийского князя в угоду стерляжьему царю, управлявшему богатым водным царством. Ещё в те времена волжские разбойники грабили купцов и других богатых людей, двигавшихся по торговому пути через Цепель и Василь-город. Несметные богатства прятали в пещерах. Чтобы препятствовать набегам казанцев и разбойников, на высоком правом берегу Суры была построена крепость, однако однажды без видимой причины, а как-то таинственно случился страшный оползень, который в одно мгновение уничтожил крепость, храмы и дома. В живых не осталось ни одного прихожанина, ни одного священника. Где руины того Василь-города и его сокровища так до сих пор никто не знает. Левитан, описывая Чехову здешние места, отмечал, что чувствует себя «одиноким, с глазу на глаз с громадным водным пространством, которое просто может убить». А ещё нужно знать, что у местных в крови, в генах существует предчувствие чего-то таинственного, волшебного, и вы не сможете их переубедить. Никто не говорит, но это и так всем понятно, что место, где стоял Цепель, неприкасаемое и зовётся теперь Чёртовым городищем, куда не каждый день можно пойти – заблудитесь и намучаетесь. Сами марийцы не были язычниками, а скорее могут зваться нашими предками – славянами, только это тоже не явно, а как-то подсознательно и с привкусом таинственности.

Вот в таком незамысловатом и познавательном ключе вели мы разговоры. Не было никакого стремления говорить много о том, что мы уже оба знали, что было и так понятно без лишних слов. Просто мы погружались в тишину, в успокоенность, и очень дорожили этим состоянием.

«Пойду к Калитниковым схожу, поговорить надо со стариками, одиноко им, да и интересно с москвичами пообщаться, как из другого мира прибыли. Ты не ходи, завтра лодку поведёшь. Может, молока принесу», – задумчиво проговорил Шорин и исчез. Тишина стала ещё гуще, я прилёг на топчан в нише, отделяемой от гостиной пологом. Проснулся я, казалось мне, сразу и отодвинул полог. Горела маленькая лампочка, тихо сопел Борис, на столе стояла крынка с молоком. Посидев пару минут в оцепенении, снова лёг. Утро наступило во время, снаружи щебетали птицы, день потихоньку пил росу с травы и кустов и медленно стекал по склону

сквозь заросли в Волгу. От дома воду не было видно, но она уже ждала и притягивала нас. Мы это чувствовали, и наши сборы постепенно ускорялись, но без суеты и излишних напоминаний. Каждый делал своё дело, и всё устроилось само собой. Мотор привязали к вёслам и несли его как раненого на носилках, винтом вперёд. Спиннинги, блёсны, рыболовную всячину и термос с бутербродами тащил сзади идущий, по ходу движения менялись местами. Фляжка болталась в кармане куртки, естественно моей, стопки стучали по термосу, успокаивая и настраивая на боевой лад. Всё по – серьёзному, как и полагается. Внизу между кустов возник луч солнца, отражённый Волгой, слепил, исчезал и снова появлялся. Дохнуло свежестью и прохладой. И вот он, берег. Лодку (мыльницу) подтянули к берегу, вылили воду, закрепили мотор, поставили отысканную в кустах сидюшку, которую спрятали вечером, протёрли сидячие места и уселись на корягу. Борис рассказывал о Калитниковых, сказал, что надо что-то подправить в доме, помочь, хотя от помощи вроде бы отказываются. Ведут хозяйство, всё у них есть, даже самогонка, весьма неплохая (попробуем!), дети в Нижнем (давно не были), хозяйка не очень здорова, а старик ещё крепкий, крутится целый день. О рыбалке рассказывал скупно, дал ключи от сарайчика на берегу, где можно хранить движок. Местные ловят, но надо места знать, а так и хищник есть, только без сноровки не поймать, придётся учиться. Шорин задумался, и было впечатление, что он забыл, для чего мы сидели на коряге, а может, дурака валял. Выяснить ход его мыслей и вступать с предложениями было бесполезно. Можно навредить и нарушить стратегическую мысль. Оставалось ждать, не прерывая монолог не важными, но конкретными вопросами. «Ну ладно, пойдём в сторону Чебоксар, давай на вёсла, а я заводить буду», – то ли приказал, то ли посоветовался он. Ранее, да и в последующем, мне всегда приходило на ум, не пользуется ли он принципом: не верь, не бойся, не проси. Особенно последним. С этой мыслью я уселся за вёсла и отгрёб от берега. Раннее утро брало своё, воздух был пропитан свежестью, солнце бликовало, движок тарахтел. Шорин, как Суворов, надменно крутил головой, поднимал правую руку, затем она беспомощно падала на колено и готовилась к новому подъёму. Мне был знаком этот язык жестов, который подчёркивал, что «Чапай» думает. На душе было спокойно, и не важно, куда мы шли, просто пересекали, и у нас была цель. Лучше бы наловить окуней и замастырить уху, думалось мне, но как опытная домохозяйка я помалкивал, чтобы не нарваться на варианты. «Давай-ка к тем водорослям, я заглушу, а ты на вёслах в них войдётся, и оттуда побросаем блесны к зарослям камыша, там может охотиться окунь», – попыток Борис и, заглушив движок, поднял его, повернув на транс. Бросали по очереди. Надо признать, что у него броски получались более хлесткими и прицельными, он укладывал блёсны под самый камыш, и первая поклевка случилась у него. Спиннинг согнулся, слегка задрожал и типичный окунь граммов на 600 в лодке. «Мыльница» была вертлявая и неустойчивая, бросающий стоял, другой сидел. Выловили 5 штук. По довольному лицу Бориса можно было понять, что счёт 4:1 его вполне устраивает. На обратном пути в качестве утешительного приза мне попался небольшой жерешок, по-другому шелеспёр. Придётся чистить, без энтузиазма подумал я. Поняв мои мысли, Борис сказал: «Я буду чистить, а ты всё готовь для ухи и вари», – и полузабормотал – полузапел «Госпожу Удачу».

Проплывали места, которые за красоту пейзажа зовутся волжской Швейцарией. За поворотом открылась стоящая на уступе церковь Казанской иконы Божией Матери или Хмелевская церковь, выстроенная на месте упраздненного монастыря 12 века. Напротив храма, одиноко выделяясь на зелёном поле, гордо и вызывающе высилась священная марийская сосна (сосна Хмелевская). Хотя она и священная и к ней с молитвой приходят марийцы – паломники, марийцы по-доброму почитают берёзу. У них принято при рождении внука высаживать берёзу рядом с деревьями родителей. Под этими берёзами можно найти монетки, конфеты, печенье, небольшие ёмкости с водой. К храму относятся также две часовни, построенные на родниках. Один ключ называется Супротивный, он бьёт упрямо из земли в священной цепельской роще, по преданию посаженной Петром Первым. Эта роща до сих пор является местом поклонения

горных мари, которые каждый год приносят свои дары и молитвы верховному богу Кучу Юме. Они молятся и омываются в Супротивном ключе в ночь на 11 сентября. А Супротивный ключ течёт уже много веков на юг, на солнце, поэтому и зовётся Супротивным. По словам местных жителей, все другие, может быть, и не святые ключи текут по склону в Волгу, а этот упрямо куда-то в сторону. Зная всю подоплёку и глядя на Хмелевский храм, мы решили к нему подъехать и зайти посмотреть, так сказать, приобщиться, оторвав от рыбалки часть завтрашнего утра. В задумчивости причалив к берегу в районе множества сарайчиков и железных шкафов, переживших не одну навигацию, спрятали в один из них, найденный по номеру, мотор, тщательно подёргали закрытый нами замок и, взяв рыбацкие причиндалы и вёсла, удовлетворённо удалились. Подготовка ухи заняла не много времени, так же как и традиционная рюмаха с посоленным лучком и чёрным хлебом. Коллеги по увлечению пусть, извините, сглотнут. И сама трапеза, простая и сытная, была непродолжительной. Оценив наваристость и полезность варева, Борис предложил сходить к Калитниковым – может, надо что помочь. Старик, несмотря на возраст, не растерял гордости и достоинства и от помощи городских «высоких» гостей отказался. Единственное, что ему было крайне необходимо, так это наше мнение о приготовленной свежей самогонке – не слабовата ли? Пришлось выпить две чарки, так как после первой трудно было что-то с уверенностью утверждать. После второй мы утвердили крепость и потом долго об этом говорили, подчёркивая качество и оттенки.

В это время Лидия Ивановна, хозяйка, молча, с явным неодобрением посмотрев на производителя и экспертов-самоучек, грузно встала, исчезла в пристройке и появилась с тарелочкой, на которой сиротливо лежали зелёные мочёные помидоры. Это было неожиданно и нелогично, и смещало вектор романтики в сторону пьянства. Чтобы вернуть этот вектор в нужную сторону, я не нашёл ничего лучшего, как рассказать о наших планах посещения Хмелевской церкви. Старики слушали, как будто сомнительно качали головами, потом Николай Модестович сказал: «Да вы не проедете, всё ведь перекопали, а дальней дорогой заплутаете, а я ведь и не объясню.» «Мы поспрашиваем по дороге», – предположил Шорин. «Нет там никого, да и не знает никто», – загадочно проговорил старик. Борис ошарашенно смотрел то на одного, то на другого, протянул руку, но увидев пустую рюмку, махнул рукой и поднялся, увлекая меня решительным выражением лица. Уже уходя, он обернулся к удивлённым до крайности хозяевам: «Спасибо за вкусный вечер, пойдём мы, вставать рано, не наловились ещё!» По дороге задумчиво пробормотал: «Советуют, советуют, всё равно поедем... Давай, что ли чайку попьём.» Встали чуть позже обычного. Завтрак – стандарт: яичница, бутерброды с Краковской, масло, чай. На центральной площади, куда нам ехать две минуты по деревенской, иначе не назовёшь, улице, никого не было, и продуктовый магазин, где размещался местный бар с бочковым Жигулёвским пивом, и хозяйственный с банками, склянками, вёдрами и лопатами были закрыты. Решили ехать влево по единственной асфальтированной улице и искать съезды опять же налево. Две попытки привели в тупики, из которых мы еле-еле выбрались, с трудом развернувшись под аккомпанемент собачьего лая и куриного кудахтанья. Третий поворот показался нам уж больно подозрительным, такой он был колдобистый, что пришлось отказаться, и может быть, зря, так как других «перспективных» путей не было, а центральная улица перешла плавно в просёлочную дорогу, которая петляла, постоянно сужаясь и превращаясь в ухабистую широкую тропу. После десятиминутной тряски я не выдержал и, найдя удобное для разворота место, остановился и посмотрел на Бориса. Он был явно раздражён и, почесав за ухом, сказал: «Ну и правильно, с воды зайдём, поворачивай на базу». Уже с асфальта мы углядели женщину среднего возраста, выгуливающую ребёнка на лужайке возле дома, и подрулили не очень близко, чтобы не напугать малыша. На наши вопросы, как проехать к церкви, она тихо сказала, глядя куда-то в сторону: «Вроде как-то проезжают, а мы пешком ходим, здесь недалеко». Шорин приободрился и, когда мы проезжали мимо кладбища, проговорил: «Давай, пойдём, кладбище явно на холме, может дорогу увидим». Кладбище было небольшое. На мно-

гих захоронениях громоздились остатки памятников и надгробий, некоторым повезло остаться во вполне приличном состоянии, претендующем на местную историческую ценность. Какие-то фамилии, звания, должности, лаконичные записи на камне, в основном, на латинице. Очень невнимательно осмотрев несколько выделявшихся памятников, помня о цели своего визита, мы пытались что-то усмотреть сквозь ограду, но так ничего существенного и не увидели, только нацепили лопухов на брюки, да ботинки умудрились испачкать. После этой попытки интерес к церкви пропал, что странно при нашем обычном упорстве. «Ладно, как-нибудь с воды зайдём, – подвёл итог Борис, – поехали, покидаем». Спиннинг мы бросали почти до вечера, но выудили только одну щуку, правда, стоящую, килограмма на два. Приключений не было, поэтому вернулись не поздно. Борис почистил рыбу, а я её зажарил на сковородке с картошкой «по-деревенски», то есть вместе, немного припустив. В общем, с водкой даже было очень ничего. Быстренько собрались, так как утром пораньше надо было на паром, и уселись за чай. «Как-то что-то вроде бы забыли сделать» – проговорил коллега по рыбалке. Я его сразу понял. Марийское чудо ощутимо витало рядом, интриговало, даже пугало, но это состояние недосказанности отправлялось с нами в Москву, да так, что внятно его кому-то объяснить было просто невозможно. Нас это не волновало, так как мы не пытались ничего нарушить, никуда грубо без головы не лезли, старались быть деликатными, хотя и проявляли любопытство. «Хорошо, что грань не переступили, а казалось, что были рядом», – подытожил Борис. В семь утра были на пароме, вечером того же дня я доставил Шорина домой со всеми пакетами и удочками. Кузьмич радовался больше всех и чуть не валил Бориса с ног своим весом. Договорились встретиться и распрощались. Ну, договорились – это сильно сказано. Я не помню, чтобы Борис звонил без повода, просто поболтать. Даже позже, когда мы достаточно сблизились, он никогда не проявлял инициативы, ждал предложений от других, занимаясь собой и своей семьёй, хотя при встречах всегда проявлял теплоту и понимание. Например, я всегда поздравлял его с днём рождения, и казалось бы... Но он никогда не поздравлял меня и, по-видимому, даже не пытался запомнить дату. Хотя тем он и интересен, тем более что пути Господни неисповедимы.

На заводе внешне всё было как прежде, однако явно присутствовали внутренние течения, бурлили потихоньку неудовлетворённые страсти. В отдел технического контроля пришли новые люди, и начальник, вызвав меня, говорил о старой команде, о доверии, о том, что есть вещи и понятия, которыми нельзя поступаться. В общем, завербовал меня в свои заместители. Жена Люда, как всегда, умничала по поводу случившегося, настойчиво советовала никуда не лезть, не поддаваться интригам, не верить, не просить, не бояться, не быть дураком и не пить с новыми непроверенными сотрудниками, впрочем, и со старыми проверенными тоже. За новыми заботами для души места не оставалось, работа съедала всё время, забот с новым назначением прибавилось, ответственности тоже, постоянные авралы со сдачей новых изделий выматывали все силы, а улаживание конфликтов с военпредами – нервы и здоровье. С Шориным мы несколько раз сталкивались на сдачах – приёмках, деловые отношения были на радость компромиссными. Несколько раз засиживались в моём кабинете за «клюковкой», обменивались мнениями. Глубоко в политику мы не погружались, поэтому споров по большому счёту не возникало, так как Борис ничего не хотел обострять и, если действительно нужно было сказать что-то определённое, сопел как ёжик и, как правило, ничего конкретного не формулировал. Зато рыбацких тем было обсуждено много, оба проявляли живой интерес к способам ловли, ко всем этим корабликам, перетягам и кружкам. Мечтали о домике где-нибудь в глуши, у рыбного глухого озера. Настала зима, и мне удалось увлечь Бориса на рыбалку со льда. У меня был пропуск на Учинское водохранилище, в охранную зону Мосводоканала. Утренний морозец щипал щёки, однако мороз не очень чувствовался. От стоянки до льда мы быстро двигались, а вот когда сели на лунки, природа с нами не собиралась считаться. Шорин, который в тёплом кабинете хвастался тёплой канадской курткой и космическими ботинками, чувствовал себя не лучшим образом, суетился, много сверлил лунок финским коловоротом, прятал руки в

карманы. Клёв был не ахти, и после поимки пары десятков окушков, когда настало время перекуса, Борис ворчливо заявил, что ему всё ясно и ради такого несчастного клёва он не намерен мёрзнуть. После того, как он привёл десяток причин срочно уезжать домой, кроме того, что он просто замёрз, я проявил понимание и не стал издеваться. Был полдень, уезжать не хотелось, но человеколюбие победило. В дальнейшем от предложений порыбачить зимой рыбачок отказывался, и однажды, поняв, что его объяснения каждый раз звучат всё менее убедительно, признался: «Ну её к богу, эту зимнюю рыбалку, холодно мне».

ЗАВЯЗКА ИСТОРИИ. БАБОЧКИ. ФОРМАЛЬНОСТИ

Всё когда-то заканчивается. Растаяла зима, замаячил финал брежневской эпохи. Засобирился в школу сын. Стабильно увеличивался объём работы вместе с ростом производства и станочного парка. Даже пришлось доучиваться, чтобы не отставать от технического прогресса с учётом внедрения электронного управления. Наш завод включили в крупный проект, связанный с производством специальных точных станков. В рамках этого проекта были заключены контракты с германскими и австрийскими фирмами на поставку в СССР отдельных высокоточных станков и автоматических линий. Как начальнику ОТК мне пришлось неоднократно выезжать в служебные командировки для согласования технических деталей многочисленных приложений к контрактам. Делу помогало знание немецкого языка и не только технических терминов, но и в определённой степени разговорного, так как моя мать, будучи по образованию учителем немецкого языка, с детства обогатила меня бытовой лексикой, да и в институте был немецкий. Оказалось, что и Шорин был вовлечён в эту кипучую деятельность до такой степени, что мы неожиданно столкнулись в Германии в нашем торгпредстве в Кёльне. Воспользовавшись организационной неразберихой, мы улизнули на пару часов, предупредив старшего группы. Причиной была необходимость приобретения лекарств, тем более что Борису домашние поручили кое-что купить в немецкой аптеке. Я исполнял роль переводчика и после покупки лекарств сопровождал товарища в пивнушку, где за дегустацией местного пива мы обменялись новостями. Я знал, что организации Шорина поручено исполнение проекта и организация всей работы с привлечением проектного института и ряда заводов, включая мой. Борису поручено подготовить предложения по приёмке оборудования, как на российских заводах, так и за рубежом. Его это удручало, так как время поджимало, а документ должен быть обстоятельным и учитывать все детали, имея в виду, что планирование финансирования будет утверждаться на самом верху. При словах «на самом верху» Борис поднял кружку с пивом. Лицо у него было невесёлое. После второй кружки лицо разгладилось, видно проблема уже не казалась такой нерешаемой. Горячиться не стали, и по дороге в торгпредство он сказал, что проект плана у него в голове вчерне сложился и он мне его покажет, так как меня он непосредственно касается. При этом он зачем-то стукнул меня по плечу и задорно подмигнул. Причину этого подмигивания я понял через две недели после своего возвращения из Германии, когда директор, пригласив меня к себе в кабинет, добродушно и как-то обиженно проворчал: «Карьеру делать собрался, хоть бы посоветовался, так дела не устраиваются. Вроде бы всегда друг друга понимали». Потом исподлобья взглянул на меня и стал перебирать бумаги, лежавшие кучками на столе. Наконец нашёл нужную и как-то нерешительно протянул мне. На бланке объединения «Тяжмашспецмонтаж» был запрос моей характеристики по служебной и партийной линии, а также степень допуска к служебным документам. Моё удивление было таким естественным, что мой старший товарищ сразу поверил без слов. В каких пердрягах только мы с ним не побывали, поэтому и отношения были близкими. «Ты не знал что ли? Откуда ноги растут? Ну ладно, скоро проклюнется, покрутится-покрутится и прояснится, вот увидишь». В общем, я уже догадался, откуда ноги растут, но сути до конца не понимал. В душе образовалось какое-то неудовлетворение, вот ведь уже почти закадычные, тайны друг другу доверяем, а открытых, откровенных отношений нет. Первым импульсивным желанием

было броситься к себе в кабинет и, набрав номер Бориса, высказать ему всё начистоту. Но я спокойно и с достоинством сидел напротив директора и молчал. Потом со вздохом поднялся и, уходя, солидно промолвил: «Скоро узнаю, провентилирую и доложу». Шеф понимающе кивнул. Честно говоря, представить себе истинное положение вещей было невозможно. Заканчивалась брежневская эпоха, все это хорошо понимали и, готовясь к грядущим изменениям в экономике и промышленности, верхи продумывали и кадровую политику. Может, и меня для чего-то приглядели. Я несколько раз снимал и клал трубку, тревожила неизвестность.

Вдруг раздался звонок, показалось, прямо в руке. Надо же, чёрт из табакерки! На другом конце провода Борис: «Ну что же ты делаешь,— вспыхнул я, — мне-то мог сказать... письма какие-то... хрень!» «Не пыли,— выдохнул Шорин, — не мог я, занят был очень, да и не говорят об этом по телефону. Письмо-то получили?» «Ну, да. Директор вибрирует». «Пусть успокоится, не он решать будет. Позвонят, и всё будет как надо. Давай не будем сейчас мериться, надо встретиться. У меня тут годовщина семейная наступила. Собирать никого не хочу, а ты с женой приходи, будет по-простому, обговорим и с жёнами посоветуемся. Бутылочку принеси, а больше ничего не надо. Послезавтра вечером, часов в пять устроит?» «Жену спрошу и детей пристрою. Диктуй адрес». Тёща вступила на срочное дежурство. Сын, дошкольник, быстро смирился с обстоятельствами и наверняка подумал, что, может, удастся добиться у бабушки послабления режима. Дочь отнеслась к нашему походу улыбочиво спокойно. У неё свои дела со школьными подругами. Шорины жили на площади Гагарина, в угловом доме, ровеснике сталинских высоток. Очень аккуратный дом рядом с Нескучным садом, где до недавнего времени собирали грибы. Здесь же Борис выгуливал своего Кузьмича. На первом этаже были разные магазины, в том числе известный на всю Москву спортивный, принадлежавший обществу «Спартак». По этой причине Борис болел за «Спартак». Это было даже интересней — моей любимой командой был ЦСКА. Ещё в лифте мы услышали сдерживаемое ворчание. Дверь открыл хозяин, державший Кузьмича за поводок около морды, видно, иначе удержать собаку не удалось бы. Слегка задышавшись, Борис пригласил войти. Все друг с другом перезнакомились, закрыли собаку в одной из комнат и пошли к столу. Нелли, жена Бориса, темноволосая женщина со строгим лицом, которое неожиданно менялось, когда она улыбалась, становилось мягче и привлекательнее. «Давайте по рюмашке, потом квартиру покажу, а там уже и побеседуем», — изложил программу вечера Шорин. Хотелось задержаться за столом, так как пообедать не удалось, а вкусненькое проглядывало и там и сям. Воспитание одержало верх, и после холодненькой и кусочка рыбки пошли смотреть. Миновали две спальни и прошли в ванную комнату. Перед традиционной рюмкой руки я мыл автоматически и не отвлекался, взглядом ища полотенце, а теперь понял, что зря. Я не очень увлекался дизайном. Ну, удобно, ну, функционирует, вот и славно. А здесь всё удивляло: необыкновенная плитка на стенах с какими-то полосами необыкновенного цвета со сложным узором поднималась почти до потолка; потолок наполовину зеркальный увеличивал высоту и так приличную; всякие ручки, полочки, компактная блестящая отливающая в синеву сушилка; явно не из советского магазина сантехника. Описывать всё это в деталях было бы подобно пересказу Робинзона Крузо о содержании выловленного им из моря сундука. Но у Крузо было навалом времени, а мы вернулись в гостиную к столу, который манил изобилием. «Нелли настоящая, она руководила, а я что, исполнитель,— весело подытожил Борис, с удовлетворением приняв наше восхищение. — Люблю, знаете ли, красиво руки помыть. С мылом!» — хохотнул он и потрогал кончик носа. — А вы здесь что-то непонятное заметили?» — загадочно покрутил рукой Шорин. «Может, и заметили, но не задумывались», — посопровтивлялся я. «Ну, выпьем за решительность и фантазию, которые воспитывает в нас природа», — чокнулись мы, и Борис подошёл к выключателю. «Да будет свет», — торжественно изрёк он и, включив светильники, замер по стойке смирно. Комната осветилась, и мы увидели по её периметру прозрачные, видимо из плексигласа, квадратного сечения короба, протянувшиеся в стыках между потолком и стенами. В этих коробах трепетали нанизанные на

нить или леску бабочки. Они переливались, и впечатление от этого было неожиданное. «Вот хочу малюсенький вентилятор встроить, тогда будет вообще зашибись», – задумчиво проговорил Шорин, а рука делала своё дело, наливая дурманящую жидкость. Мне его не хотелось торопить, видимо ружьё должно было выстрелить в другом акте, а кто же может без последствий проявлять самодеятельность. Играют профессионалы! Как будто ненавязчиво вступая со мной в беседу, он сказал: «Детей на тещу оставили, хотя, конечно, они уже большие. Младший почти школьник. Там и в школу пойдёт». Посмотрев с прищуром на моё бесстрастное лицо, он усмехнулся: «Ты всё знаешь?» «Расскажешь, узнаю», – улыбнулся я в ответ. «Ну ладно, шучу, значит так»... – выдохнул Борис, потянувшись за бутылкой. При обсуждении грандиозного проекта, куда мы волею судеб попали (я имею в виду не обсуждение, а сам проект, обсуждали его очень высоко), ответственным внешторговцем был поднят вопрос приёмки – сдачи закупаемого оборудования. Этот «дремучий» (в будущем Борис будет часто употреблять это прилагательное по поводу и без) чиновник хотел подмять значительный кусок работы под себя, то есть под «Тяжмашспецмонтаж», однако, и вполне разумно, в конце концов, договорились о создании смешанной группы, которая будет состоять из представителей заводов, непосредственно участвовавших в проекте, и двух внешторговцев для решения коммерческих вопросов и подписания документов, касающихся сдачи – приёмки оборудования и всяких дополнений и изменений к основному контракту и техническим приложениям. Эти приложения окончательно не были согласованы, особенно в части последних разработок высокоточных станков и особенно сроков гарантии. Поэтому направление группы наших специалистов в Австрию и Германию сможет значительно ускорить решение технических вопросов совместно с производителями, не говоря уже о проблемах согласования проектных работ с составом оборудования. Группа специалистов из проектного института уже выехала в Кёльн и активно включилась в работу. Оперативный центр решено было создать в Австрии по политическим и конъюнктурным соображениям. Шорину и сотруднику «Тяжмашспецмонтажа» (ТМСМ) предпенсионного возраста поручили заняться формированием группы. Не знаю, по каким соображениям выбрали именно его, но он утверждал, и, по-видимому, не без оснований, что в департаменте машиностроения у него всё схвачено и его предложения моментально берутся на карандаш. Все бумаги на кандидатов готовил отдел кадров ТМСМ, но самих кандидатов представлял Борис после согласования с министерством. «Ну, схватил, в целом?» – отдышавшись, спросил Шорин, поднимая рюмку. Во время его «доклада» наполненные рюмки простояли нетронутыми. Не дожидаясь от меня ответа, он чокнулся и как-то удивлённо и задумчиво проговорил: «Мы едем, едем, едем...» Посмотрев на меня, он влил в себя водку и, как чумовой, закричал: «Девочки, обсудим. Открываем симпозию». Больше дурачиться ему не дали. У женщин, как обычно, оказалась куча вопросов. Где жить, где дети будут учиться, что брать с собой вплоть до книжек и учебников. Шорин всё грамотно объяснял: школа посольская есть, общежитие торгпредское (на первое время, а там решать будем), а всё остальное выясним «в процессе». «Всё это детали, не мы первые, не мы последние, самое главное решить, потянем или нет, уж больно ответственность большая. Вы то как? Ну, родители, может, ещё что-нибудь? С насыженных мест уходить надо, а что потом, один Бог знает. Ты мне позвони, если что на работе не так пойдёт, хотя не должно бы», – уже серьёзно подытожил Борис. Ещё посидели, пытались веселиться, но ворвавшееся в размеренную жизнь непонятное будущее уже легло на душу ощутимым грузом.

На следующий день после обеденного перерыва ко мне подошёл секретарь парткома, дожёвывая что-то на ходу. Все его звали Семёныч, что его делало ближе к народу, хотя он был, по его словам, сам народ. Поговаривали, что, несмотря на указанное им в анкете рабочее происхождение, происходил он из среднего сословия, и дед его владел до революции несколькими магазинами, где продавали различные специи и другие колониальные товары. После революции магазин отобрали. Семёныч об этом говорить не любил, хотя в этом ничего предсуди-

тельного не было. «Там на тебя запрос пришёл, характеристика понадобилась в связи с выездом за границу, – сказал он, подозрительно меня осматривая. – Мы с директором поговорили, он считает, что нечего твой вопрос на партсобрание выносить, народ будоражить, а лучше расширенный партком собрать да пропесочить тебя за хорошую работу, – лукаво подмигнул он. «В общем, готовься, на неделе соберёмся, обменяемся мнениями», – посерьёзнил Семёныч. Директор этой темы не касался, говорил только о работе. Опыта ему было не занимать, небось, думал, что всё может измениться. Мне тоже так казалось, поэтому я продолжал плыть по течению, воспринимая ситуацию как выдуманную и искусственно созданную.

Но независимая параллельная жизнь диктовала свои условия, и моя характеристика составила, и «вече» собралось. Организовали толковище в переговорной комнате, участвовали руководство завода, члены парткома и представители народа (ветераны, общественники и сотрудники моего отдела), всего человек 15. Личности мне известные, о некоторых я знал кое-какие подробности, «о чём не говорят, о чём не учат в школе». Обстановка была дружественная, никто не собирался применять партийную принципиальность, тем более Семёныч взял быка за рога. «Товарищи! – серьёзно начал он. – Время рабочее, дело государственное, есть предложение не заниматься демагогией, а зачитать характеристику на нашего коллегу и члена нашей организации. В ней всё написано, слушайте внимательно, чтобы не было лишних вопросов. А то ты, Модестович, как начнёшь про садики да пионерлагерь рассуждать, забудешь, зачем собрались. В общем, давайте пооперативнее. Елена, читай». Елена Владимировна Полторацкая, которую мужчины звали почему-то «четвертинкой» при обсуждении её достоинств, а они у неё определённо были, несмотря на её средний возраст (правда, самое его начало) поднялась, разгладила на бёдрах юбку и, отчаянно шурясь, видно, стесняясь почему-то надеть очки, осторожно начала читать. Характеристика была хорошая, не правильная, а какая надо. Поэтому её никто серьёзно и не слушал. Правда, при словах: «...рекомендуется в долгосрочную командировку в капиталистическую страну», – некоторые мимолётно переглянулись, но рабочая солидарность взяла верх. Видно, заметив любопытные взгляды, Семёныч веско сказал: «Что касается вопросов секретности и компетентности, всё проверено и улажено на соответствующем уровне. Ну, вопросов нет, будем голосовать... Единогласно. Спасибо за внимание». И обращаясь ко мне, добавил, чётко налегая на слова: «Тебе мы её на руки не дадим, отправим в Министерство почтой, такой порядок». Почувствовав свою причастность к государственным интересам, присутствующие чуть-чуть пошумели и разошлись.

Несмотря на относительно узкий состав расширенного парткома, новость быстро распространилась по дирекции, и сотрудники различных отделов администрации завода, с которыми я годами устаканивал отношения, всё-таки воспользовались ситуацией и, не скрывая любопытства, придирчиво расспрашивали меня. Все вопросы сводились к следующим: «Зачем?» и «Почему некоторым так везёт?» Мои ответы всем без исключения собеседникам отличались дружелюбием и звучали как исповедь волка, съевшего ягнёнка, и вследствие обжорства, мучающегося от жестокой изжоги. «Ты не думай, – говорил я, – меня туда в приказном порядке направляют. Кого же, как не начальника ОТК на приёмку оборудования отправлять? Станки дорожные, ответственность дикая, тут не то, что заработать, уцелеть бы. Нервы, смена климата, работа без выходных и прочее. Конечно, интересно, престижно, но точно не подарок». Голос мой не дрожал, звучал убедительно, так что я сам поверил в свои слова. Честно говоря, истина была недалеко, так как оценить положительные и отрицательные стороны предстоящей командировки я был не в состоянии. Никто мне не верил, но вида не подавали. Дружба всегда выше недоверия.

Шорин позвонил через неделю и сообщил, что характеристику получили и процесс пошёл. При личной встрече в рюмочной на Красной Пресне Борис рассказал, что теперь надо ждать, когда вызовут, а пока меня будут проверять по всем направлениям, но это формальности и не так долго. Когда будет собран весь пакет документов, направят на визу. Будет что-

то надо, мне позвонят и вызовут. Звонить самому нежелательно, не тот случай. Товарищ был чем-то расстроен, даже грустен, но, как ни странно, выпить не стремился, а на мой немой вопрос просто слабо махнул рукой, и мы скоро расстались, договорившись созваниваться. Время неумолимо рвалось вперёд, спотыкаясь о жизненные неурядицы и заботы. Заводская рутина затягивала, планы, летучки, новая техника, новые методики испытаний станков, и ажиотаж с командировкой начал забываться. У Бориса были свои проблемы, он где-то носился, ссылаясь на своё требовательное начальство, на постоянную отчётность и отсутствие свободы действий. Но по отдельным его фразам можно было понять, что проект живёт своей жизнью, всё непременно состоится, вот только в бюджете строчку утвердят и пропустят через Минфин. «Нам с тобой тоже надо как-то пропустить, – съязвил Шорин и добавил, – всё состоится, как и предполагалось, интерес не пропал, расскажу при встрече», – и почему-то хохотнул. Нельзя сказать, что меня огорчали эти обстоятельства, может быть даже наоборот, так как для сына неумолимо приближалась школа, и подготовка к этому событию затмевала все другие большие и важные моменты. С приближением первого сентября нытьё ребёнка прошло через все стадии: от «Не пойду я, чего я там не видел» до «А машину водить научат?» Проводив его до дверей и позже забрав, мы с женой поняли, что потеря свободы важна не только для взрослых дядек и тёток.

В конце сентября, когда все грибы были собраны и мирная рыба отказывалась клевать, а продвинутая часть нашего коллектива отмечала вечером подписание акта сдачи-приёмки у меня в кабинете, требовательно зазвонил телефон. Чиновник из Министерства деловым тоном, подчёркивавшим его трудолюбие и незаменимость, пригласил меня к себе для беседы и заполнения документов. «Ну, что же, – задумчиво проговорил Борис, – ты выходишь на финишную прямую даже быстрее меня. Всё запоминай, потом поделишься, только сразу после визита позвони». Он сразу положил трубку, но было ощущение, что он её некоторое время не опускал, видно, обдумывал что-то, а я чувствовал. В назначенный день я поднимался на лифте в высотке на Смоленской площади. В лифтах дверей не было, каждый выходил на нужном ему этаже во время короткой остановки. Найдя нужный кабинет, я вошёл и окунулся в сугубо чиновничью среду. В большой комнате, заставленной шкафами, тумбочками, столами и стульями, сидело человек шесть, из которых четверо были явно сотрудниками, они суетливо перекладывали бумаги, что-то правили и отмечали, в то время как двое остальных писали с напряжённым видом, изредка вопросительно поднимая голову и задавая вопросы сидевшим перед ними. Внимания на меня никто не обратил, и я назвал ближайшему чиновнику цель визита и фамилию. Вид у меня был спокойный и не скандальный, поэтому он, сверясь со списком, обратился к коллегам, громко произнеся мою фамилию. Господин по диагонали поднял руку и указал пальцем вниз, что означало «упасть» у его стола. Протолкавшись между столами, стульями и коленями сидящих, я добрался до своего куратора. В дальнейшем я имел дело только с ним. Поздоровавшись, я передал Ивану Ивановичу файл с документами, справками и фотографиями, касающимися всей семьи, включая детей. Внимательно всё проверив и даже что-то прочитав, Иван Иванович вручил мне бланки анкеты для меня и жены. Снисходительно мазнув по мне взглядом, он медленно проговорил: «Вроде комплект, а анкеты принесёте послезавтра в такое же время. Прежде чем заполнять, снимите копии, править нельзя, всё должно быть без помарок. Лучше лишний раз переписать. Ну, вы же начальник, наверно, знаете требования. И ещё... Там в холле вас один товарищ ждёт, хочет переговорить, не проскочите мимо». Не скажу, что эта новость доставила мне удовольствие, но благодарно улыбнувшись Ивану Ивановичу, я не проскочил...

На диване рядом с кабинетом сидел и явно скучал статный молодой человек при галстукке, слегка барабаня пальцами по лежащему на коленях модному кожаному портфелю. Остановившись, я негромко поинтересовался, не меня ли он ждёт. Он привстал и как-то смущённо заученным жестом пригласил присесть. «Если вы Зернов, то да, если не возражаете. Я тоже

собрался в Австрию, наверно вместе работать будем, если всё состоится. Меня зовут Илья Самсонов. Сейчас у меня запарка, а хорошо бы поговорить. У вас тоже, вероятно, вопросы есть, вот вместе легче разобраться будет. Позвоните, когда время будет», – и протянул мне визитку, где чёрным по белому было написано: «Эксперт при руководстве Центрального проектного института машиностроения Самсонов Илья Акимович». «Вот улажу формальности, время появится, тогда и созвонимся», – медленнее, чем обычно, но достаточно твёрдо проговорил я, чувствуя интуитивно серьёзность встречи. Из министерства уже однажды пройденным путём через Смоленский гастроном я нырнул в метро. Пакет с купленным харчем оттягивал руку, вероятно, поэтому мне вспомнилась просьба Шорина связаться с ним после визита. Но никто к телефону не подошёл. Отложив звонок на вечер и проехав до Бауманской, поднялся на улицу, прошёл до известного мне пивного бара и без привычного скандала спокойненько выпил кружку бочкового «Жигулёвского» с селёдочным канапе. Думалось светло, крепла уверенность, что теперь всё началось по-серьёзному. Подваливший забулдыга, посмотрев на меня из-под набрякших век, решил не связываться. Прикупив солёненьких сушек для детей, я потопился домой со всеми анкетами и бумажками. Спокойствие и уверенность разливались по организму вместе с прохладным пивом. Было хорошо...

Дома мы с женой пощёлкали все анкеты, одна была на немецком для австрийского консульства. Снятые копии не понадобились, всё сделали аккуратно без помарок. За окнами смеркалось, когда я решил позвонить Борису. Трубку он взял сразу и, что-то дожёвывая, проворчал: «Новости есть? Бюрократы не замучили?» «Всё в порядке, бумаги заполнил, а анкеты послезавтра отвезу. Иван Иванович доброжелательно без проволочек принял». «Подожди-подожди, а как вообще твоё впечатление, что он тебе ещё говорил? Без протокола...» – слегка хохотнул Борис с явной озабоченностью в голосе. В принципе ничего, только он меня с одним мужичком познакомил, тот поговорить хочет. Илья Самсонов из института. Может, знаешь?» «Родина знает своих героев, – задумчиво подтвердил Шорин. – Ты вот что, подожди, не звони, не думал я, что так агрессивно, надо тебе кое-что объяснить про ситуацию. Давай, заполняй анкеты и звони Ивану Ивановичу, договорись, когда привезёшь. А там и Илюша будет по шучьему велению. Никакой интриги здесь нет, всё логично и управляемо, во всяком случае, в данном эпизоде. Встретимся с тобой завтра, по паре бутербродиков с селёдочкой проглотим, обо всём поговорим, а сейчас я побегу, мячик погоняю, который ты мне подкинул», – твёрдо и загадочно сказал он, оставив меня в недоумении с трубкой в руке. Подождав, пока рука положит трубку на рычаг, я меланхолично посоветовал жене не задавать лишних вопросов, не думать о всякой ерунде и вообще... Получив фигурально всё назад и немного подумав, позвонил Ивану Ивановичу и договорился, когда привезу анкеты. Чтобы появилось чувство завершённости трудового дня, пришлось поговорить с сыном о смысле жизни и необходимости заниматься спортом, на что будущий тинейджер заметил, что всё это пустое и всё равно уезжаем. «Никуда мы пока не уезжаем, и нечего об этом трепаться на каждом углу», – беспомощно вякнул я, на что получил от жены тираду, что никто не треплется, что я ничего не говорю, а ей надо знать, что брать, что купить, что говорить родителям, подругам, коллегам. Не дав меланхолии перейти в раздражение и на время отвергнув причину спора, сославшись на отсутствие визы, поплёлся спать. Утром, позавтракав традиционной яичницей с поджаренными кусочками хлеба и кружками Краковской, позвонил Шорину и сказал ему время своего заноса анкет Ивану Ивановичу. «Ну ладно, до завтра времени вагон, но всё равно мне бумаг кучу делать, поэтому встречаемся в нашей рюмочной на Красной Пресне в шесть часов, а то позднее там не протолкнёшься», – видно уже на бегу отчеканил Борис. На работе ничего замечательного не происходило, часть руководства отсутствовала по уважительным, часть по совсем неуважительным причинам, симпатичных женщин на месте было меньше, чем хотелось, поэтому можно было бы и честь знать, но держало то, что домой заезжать не хотелось, а выезжать к пиву было рано. Пришлось задержаться и чуть не наделать каких-нибудь бесполезных дел. Когда я

вошёл в пивнушку (это ведь короче, чем рюмочная и без претензий), Борис уже стоял в уголке с двумя рюмками водки и бутербродами и нахально – обеспокоенно улыбался. Ответом на пароль были две кружки пива, которые я подхватил, конечно, не бесплатно, по пути. «Сечёшь, паря, навзлёт, интуиция обострена до предела, такие люди нам нужны, – ерничал Шорин, принимая у меня драгоценную ношу. – Вот об этом мы и поговорим, только я предлагаю сначала перекусить и выпить маленько, а потом где-нибудь без свидетелей и поговорим. Не ожидал я, что столько народищу будет, а может, просто не додумал, бывает, дел полно. Сегодня за мой счёт, так как предложение от меня исходило, да и затраты не бог весть какие, – продолжил он, подвигая ко мне рюмку и бутерброды с селедкой. – За сбычу мечт и взаимоподдержку», – подмигнул он, став мгновенно серьёзным. Мне и раньше было удивительно, как он быстро менял выражение лица и интонацию, и не могу сказать, что это мне не нравилось. За разговорами обо всём и ни о чём, с шутками и анекдотами пролетело минут сорок, да и одной рюмкой мы не ограничились. Утолив голод, в слегка приподнятом настроении мы вышли в осенний вечер и молча дошли до парка, спускающегося к набережной Москвы-реки. Сели на свободную скамейку и некоторое время молчали, прислушиваясь к детским крикам, доносящимся из ближайшего жилого массива.

«Давай, я тебе опишу ситуацию, чтобы была полная ясность, – необычно строго проговорил Борис. – В организации бюро в Вене заинтересована спецслужба Минобороны, и Самсонова планировали на руководителя. Была борьба на самом верху, и, в конце концов, вопрос решился в мою пользу, а он будет моим заместителем. Илья был крайне недоволен этим решением, тем более что у него родственник какая-то шишка в системе, да и Ивана Ивановича «попросили» его поддержать, и он как бывший сотрудник Минобороны Илье благоволит. Самсонов наверняка попросил подобрать ему помощника, который бы и язык знал, и рабочими вопросами владел. Ну, Иван Иванович ему тебя и порекомендовал. Когда вы познакомились в Министерстве, он не решился тебе что-то конкретное предлагать, так как формально не имел на это права, а на экспромт, видно, не способен был. При всех его положительных качествах, он не отличается дальновидностью, даже не желая того подставить может. Поэтому, когда он с тобой разговоры вести будет... Хотя уже не будет, я всё устрою. И ещё, вот тебе бумага, прочти, вопросы будут, сразу задавай». Текст расписки был очень похож на документ, который мы в своё время подписывали в первом отделе, обязуясь не разглашать. Всё было понятно и не очень-то неожиданно, учитывая информацию, которую я в последнее время получил о Борисе от разных знакомых. «Вот ещё что, – сказал Шорин, – припиши от руки в конце: в случае необходимости свои сообщения буду подписывать Зеев. Стучать не придётся, всё будет касаться только науки и техники. Просто так за границей ничего не бывает, происходит всякое. Должен я кому-то доверять как себе. Подписывай, потом подробнее объясню, а завтра позвони, расскажи, как анкеты отдавал». Напряжение не отпускало. Подписал. Шорин убрал расписку во внутренний карман пиджака и застегнул его на молнию. Вместе дошли до метро. «Ты завтра мне звякни», – повторил он. На следующий день я сидел напротив Ивана Ивановича и смотрел, как он разбирает бумаги. Делал он это без какой-либо системы, и со стороны казалось, что его руки и глаза делали автоматическую работу, в то время как мозг лихорадочно грелся и страдал. Наконец он почти доброжелательно одарил меня взглядом, протянул руку, взял анкеты, достал из папки фотографии и сказал: «Вроде бы всё. Ваши фотографии и детишек присовокуплю, кое-какие бумаги сделаю и в МИД отдам. У меня с ребятами хорошие отношения, тянуть не будут, так что собирайтесь. Визы будут готовы, сразу сообщу. А по бытовым вопросам вам ваш новый начальник всё разъяснит». Помолчал, хитровато блеснул глазами и протянул руку. Рядом с кабинетом никого не было, и я понял, что машина работает, но что-то меня жевало изнутри, хотя и не очень настойчиво. Хорошо, что у меня характер покладистый и не вредный, а организм, хотя и требовательный, но позволил ехать домой, а не в пивную на Бауманскую. Дома была только дочка. Жена с сыном пошла в поликлинику за справкой. Пришлось зате-

ять с ребёнком беседу, совершенно для неё неинтересную. Дочка отвечала не очень подробно, зато правильно. Из её слов следовало, что школа для неё формальный труд, недоразумения есть, а существенных трудностей нет. По поводу оформления я ей коротко рассказал, но пока ничего не уточнял, да и она не стала мучить меня вопросами. Привыкла, что если надо, я сам скажу. Ну что же, взрослый человек – 13 лет. Ударная часть семьи, с шумом ввалившаяся в квартиру, нарушила наше спокойное молчание. Сын сразу взял меня в оборот, пытаюсь склонить к положительному ответу на вопрос: «Зачем ходить в школу, если всё равно уезжаем?» Жена, что-то переключая с места на место, добавила масла в огонь, удачно спросив, когда писать заявление об увольнении в связи с командировкой мужа, не в последний же день! Но это всё равно было удачно, так как можно было ответить сразу обоим и замкнуть их друг на друга. Я и ответил: «Всё может измениться. Ждём визу. Будет виза – всё решим. И в школу не пойдём, и на работу не выйдем. А заявление можно заранее написать. В общем, всё успеем, а сейчас вступаем в режим ожидания». Народ не был удовлетворён моим заявлением, принял его за отговорку и негромко зашипел. Пришлось изобразить крайнюю степень усталости и отвалить «по холодку», как говорили во дворе в Измайлово в детские годы чудесные. Тут я вспомнил своего «кукловода» и, взяв телефонный аппарат, пошёл звонить. Борис сразу взял трубку, был немногословен, слегка солидно басил, говорил отвлечённо и не по теме, видно, о чём-то думал. В конце разговора подытожил, что никто больше приставать не будет, визу ждать долго не придётся, и по получении начнём заниматься конкретикой. На часть группы визовые документы в австрийское консульство были поданы раньше, и они ждали виз со дня на день. Эта весёлая компания состояла из Шорина (руководитель), секретаря представительства, Малышевой Жанны, милой сексапильной женщины около сорока, которую порекомендовали из министерства, Рощина Евгения, старшего приёмщика от Коломенского машиностроительного завода, где он работал начальником ОТК, и наконец, Самсонова Ильи (зам. Руководителя) от проектного института. Вторая часть группы, состоящая из меня (эксперт) и двух инженеров – приёмщиков только оформлялась и визы должна была получить позднее. Борис говорил, что это правильно. Авангард проверит всё на месте и сообщит данные с корректировкой. Так и время и деньги сможем сэкономить. Это касается бюро, которое уже арендовали австрийцы, и квартир, где будем жить, и школы, и много чего другого. Шорину и Самсонову квартиры уже были сняты, а остальным, скорее всего, придётся первое время пожить в общежитии Торгпредства. Борис в разговорах упоминал, что организационные и особенно финансовые вопросы решаются крайне медленно, деньги частично внебюджетные, частично заводские, а также выделяемые австрийскими и немецкими фирмами, участвующими в проекте. Всё сразу учесть невозможно, поэтому решаться проблемы будут по мере их возникновения. На мои вопросы Шорин отвечал: «Ну, где у нас что-нибудь решается по-деловому? Где люди, пекущиеся о государственных интересах? Ну, ничего, всех раскатаем, есть рычаги». И я ему верил. Какое-то время мы о командировке практически не разговаривали. Жизнь катила по уже проложенным рельсам: школа, работа, родственники, друзья. Люда поговорила с подругами, которые уже имели опыт жизни за границей, закупила несколько комплектов постельного белья, кастрюль – сковородок и кое-какую одежду для детей. Всё это могло пригодиться и в Москве. Настроение было как на вокзале, когда поезд опаздывает, а когда придёт, неизвестно. Шорин несколько раз приезжал ко мне на работу, но поговорить как следует никак не удавалось. Видно было, что настроение у него аналогичное, а дел полно. «Мы с тобой обязательно поговорим, это совершенно необходимо, но», – на бегу выдыхал он, показывая, как он себе режет горло. Неубедительно, зато наглядно. После некоторой суеты, связанной с оформлением документов, наступили обычные будни: дети ходили в школу со всеми вытекающими последствиями, а мы с женой на работу. Опять перспективы поездки казались нереальными, и стали забываться беседы и планы. Но вдруг.... Сколько мне случалось слышать и читать про это «вдруг», однако я слегка вздрогнул, когда, сняв трубку, услышал Бориса и понял, что он волну-

ется действительно и непритворно. Он был возбуждён, говорил сбивчиво и тем самым заставил меня тоже почувствовать важность момента: «Всё, виза в кармане, нужно срочно выезжать, всех вытаскивают. Вот недотёпы, то спали, а теперь звонят и спрашивают о степени готовности. Спрашивают объём затрат, какие-то технические задания, сроки проектирования и приёмки оборудования. Я говорю, что главное выехать всей командой, устроиться и начать переговоры, тогда, может быть, многое поменяется, уточнятся сроки, состав станков. Все бумаги писались в правительстве, визировались в министерствах, всё есть, что ещё нужно? Ну ладно, снова пойду по кругу, надо всё уточнить, а то приедем... Тебя это пока не касается, с фирмами я сам свяжусь. Хотя дня через два придётся с австрийским представителем встречаться, поедем вместе, пора тебя в курс дела вводить». После того как Борис положил трубку я некоторое время сидел не двигаясь, внезапно поняв, что «детство кончилось и вот-вот начнётся новая неожиданная взрослая жизнь, полная приключений, неожиданностей и много чего другого». Шутки шутками, но на следующей неделе мы с Шориным на служебной машине (представительской, по словам Бориса) подъехали к бюро фирмы «Машиненбау унд Техник», с трудом нашли место метрах в ста от входа и не спеша двинулись. «Вот так и за границей, если едешь на конфиденциальную встречу, лучше парковаться подальше», – сказал Шорин, лукаво и одобрительно поглядывая на меня. «Ну-ну, наверное», – осторожно согласился я, поправив узел галстука, который мне явно мешал. Директор представительства Вернер Шлиттер не владел в достаточной степени русским языком, поэтому пригодился мой немецкий. Шорин информировал австрийского коллегу о предстоящем выезде первой группы русских специалистов и предложил обсудить связанные с этим фактом вопросы. Шлиттер пригласил сотрудника фирмы, занимающегося нашим контрактом, который подтвердил, что австрийская сторона обеспечит встречу и размещение выезжающих наших специалистов и попросил у Шорина официальное извещение о фамилиях, дате выезда и виде транспорта. Борис позвонил к себе в Министерство и попросил секретаршу немедленно прислать телекс с этими данными, что и было сделано в течение получаса. Пока мы ждали исполнения формальностей, Шорин и Шлиттер обменялись некоторыми замечаниями о предстоящей работе. Мне это было очень полезно, так как давало общее представление о задачах и моём месте в их решении. Представляя меня, Борис подчеркнул, что я буду руководить всеми приёмщиками, решать все организационные вопросы, подписывать акты приёмки станков, в общем, отвечать за техническую часть. В мои обязанности будет входить обеспечение контроля за продвижением проектной части и производством самих станков. Формально руководителями производственной части назначается Шорин, а проектной – Самсонов. Они же будут подписывать финансовые документы и всякие дополнения и изменения к основному контракту. Разделение полномочий будет подписано сторонами контракта позднее, когда в Вену выедет вся группа. Шлиттер подтвердил, что пока все предыдущие документы считаются рамочными, детализированные планы, спецификации и сроки ещё будут готовиться и вступят в силу после выплаты советской стороной аванса, получение которого нужно ускорить, так как фирма «Машиненбау унд Техник» уже вложила средства на выплату аренды квартир и на покрытие других организационных расходов. Шорин, стараясь быть убедительным, признался директору, что все документы по проекту, в том числе и финансовые, завизированы и сейчас находятся в Минфине. Вопрос одной, ну максимум двух недель. Пока первая группа обустраивает рабочие места мебелью, компьютерами, оргтехникой, бумаги будут подписаны и Минфин даст распоряжение о переводе аванса. Может, деньги будут размещены на счёте нашего представительства, с которого будут оплачиваться все расходы, может быть, выплаты будут осуществляться через счёт Торгпредства СССР после одобрения обеих сторон. Шлиттер внимательно слушал Шорина, одобрительно кивал, однако было ясно, что обещание быстрого перечисления аванса не очень его убедило. Надо отдать должное его закалённым в длительной работе с советскими организациями нервам, однако было видно, что от сдержанного серьёзного тона до раздражения один шаг, и он совсем не такой большой.

Расхаживая по кабинету (так ему было явно легче), он сообщил, что согласовал с немцами и австрийцами выезд в Вену первой группы. Квартиры сняты, помещение под офис подобрано, встречи будут организованы, но желательно, чтобы до отъезда была ясность с выплатой аванса. Тема мне была известна из разговоров с Борисом, перевод труда не представлял, но появилось чувство, что пора откланиваться. Шорин тоже это понял, поблагодарил Шлиттера за приём, отметил, что начало любой работы связано со многими проблемами, которые без сомнения будут своевременно решаться. Все данные по выезду мы сообщим в ближайшее время. По пути к машине Шорин возбуждённо, как будто даже отчаянно говорил, что все его используют. Никому ничего не докажешь, всё сам – всё сам, надо заставить Самсонова включить свои связи, а они ого-го. Несмотря на сбивчивую речь, чувствовалось, что Борис, а я его уже хорошо знал, завёлся и очень серьёзен. Высаживая меня у метро, он сказал: «Ты готовься, давай. Всё только начинается. Скоро и виза будет, и суматоха начнётся. Как только я со своим выездом решу, буду тебя в курс дела вводить». Пожимая мне руку, Борис строго и внимательно посмотрел мне в глаза. В общем, мне тоже нечего было стыдиться. Борису я подыгрывал, дурака не валял, вёл себя достойно и по-деловому. На заводе по поводу Бориса ходили ненавязчивые слухи, что он, кроме того, что был неплохим специалистом в области машиностроения, являлся ещё и сотрудником спецслужб. Каких, точно не было известно, но знающие люди после «рюмки чая» доверительно сообщали, что это было Первое Главное Управление. Поэтому я и гордился дружбой с Борисом, с удовольствием с ним общался, и одновременно был всегда настороже, подтягивая свой статус -кво на уровень, устраивающий обоих. Конечно, я не понимал в полном объёме, на какую роль меня планировал Шорин, но я был уверен, что он умён и не способен на такие действия, которые могли меня, пусть не специально, подставить. Приятна была также и дружеская поддержка, пусть и не бескорыстная. Моральные человеческие факторы тут перемешивались, философское объяснение было не ясно, но опасности не чувствовалось. Дома всё было путём, хитрая семья вела себя так, как и полагалось, вопросов не задавала. Сын пыхтел над тетрадкой, дочь шёпотом что-то пыталась объяснить по телефону, жена сидела с книгой и ждала то ли меня, то ли когда к ней обратятся дети. Было ощущение, что я должен рассказать что-то важное, что-то такое, что сделает жизнь ясной и понятной. Пришлось рассказать в общих чертах о разговоре с Шориным, немного посмеяться над неповоротливостью наших чиновников и закончить дежурной фразой: «Как будет виза, всё обсудим и всё успеем сделать». Дети сидели тихо и внимательно вслушивались. Жена очнулась от тяжёлых дум и пошла разогревать ужин. Сказав детям, чтобы не распространялись, пока не скажу, тоже поплёлся на кухню. Люда проявила чудеса дипломатии и вопросов не задавала, хотя чувствовалось, как уплотняется атмосфера. Слава богу, до катаклизма не дошло, и я, поев, перебрал все случившиеся за день события и, решив, что повлиять на них всё равно не смог бы, успокоился и уселся перед телевизором. Работы было много, острота связанных с командировкой моментов сглаживалась, и мне не сразу удалось врубиться, когда Шорин позвонил и пригласил на сабантуй «по поводу». Поняв причину моего затянувшегося ответа, Борис хохотнул и почти пропел: «Да уезжаю я через два дня». На следующий день в кафе состоялось прощание. Были друзья Бориса по институту и коллеги по работе в Минмаше, других коллег он, видимо, собирал отдельно. Атмосфера была дружеской, выпито и сказано было немало, и после того как «именинник» положил четырёх человек, включая меня, в импровизированном соревновании по армрестлингу, он отозвал меня в сторонку и серьёзно сказал: «Всё, о чём мы с тобой говорили, только между нами, продолжим за границей. По поводу твоей квартиры бумаги подписаны. Пробьём, всё-таки двое детей. Это я тебе обещаю. Скорее всего, до твоего отъезда вопрос не решится, знаю я их. Но ты отъезд не откладывай, как виза будет, сразу собирайтесь и выезжайте. Вот тебе телефон моего коллеги, он мне сообщит в Вену о твоём приезде. Всё остальное: билеты, дополнительное оформление и прочее сделает Иван Иванович. Свяжись с приёмщиками, начинай командовать, это самостоятельный участок работы, поэтому не цере-

монья. Они по приезде будут жить в общежитии торгпредства как бессемейные. Ты, скорее всего, первое время тоже, об этом мы уже говорили. Повстречайся с Самсоновым, посмотрите проект и другие документы. Конечно, многое поменяется, но основная идея останется. Будут закавыки – говори, что я просил. Никаких разговоров, кроме как по работе, ни с кем не веди, вежливо отнекивайся. Посмотрев проект, можешь съездить на фирму, предлог всегда найдётся. Влезай в доверие. Если возникнут вопросы по существу, звони в любое время, я уезжаю через два дня». На следующий день он сам позвонил и продиктовал мне все телефоны. «Карточка директора представительства у тебя есть, звони ему, как договаривались, если будут вопросы. Ну ладно, обнимаю и до встречи», – неожиданно душевно проговорил Борис.

Через неделю после отъезда Шорина позвонил Иван Иванович и сказал, чтобы приезжал за паспортом и документами. Передавая мне их, он спросил, не хочу ли я видеть Самсонова. Мне не хотелось его видеть, но чтобы успокоить Ивана Ивановича, я твёрдо заявил, что мне это тоже необходимо и буду звонить. Вечером я договорился с Самсоновым и Роциным о встрече завтра у меня на заводе. Евгений Роцин выглядел, как и должен был выглядеть начальник цеха крупного провинциального завода. Немного за 40, среднего роста, полноватый, с мягкими манерами, готовый на улыбку и компромисс. Жил и работал он всю жизнь в Коломне, жена и взрослый сын тоже коломенские. Пересекаться раньше нам не приходилось, но внешность его была мне знакома, а если мне так показалось, то и начало разговора нашлось само собой. «Если нет возражений, будем на ты, и скажи мне, Евгений, где мы могли раньше столкнуться? Надеюсь, не в милиции?» – просиял я, крепко пожимая ему руку. «Встречались мы на выставке «Станки» на Красной Пресне на стенде Южмаша, где я был с нашим директором. Вы как раз об автоматических линиях спрашивали что-то, по-моему, была спецуха, а может, я не точно формулирую», – рассудительно и спокойно сказал Роцин. «Ну, вы, так вы, – подумал я, – будем вместе работать, посмотрим».

«Давайте по делу. Вам когда на визу подали и знакомы ли Вы с теми двумя рабами, которые будут Вам подчиняться и отчитываться?» «На визу мне и двум приёмщикам подали недели две назад. Я звонил Шорину, он сказал, ждите, и дал телефоны Степанова и Бокия. С ними я связывался, они – на стрёме. Видеть я их не видел, но отзывы хорошие, оба – начальники цехов. Надо – я Вас сведу» – включился Роцин. «Пока не стоит, Вы с нашим Министерством связь держите, они Вам скажут, когда визы будут готовы, а технические вопросы обсуждать будем пока только с Вами и с Самсоновым, которого Вы, наверное, знаете». «Самсонова Илью Акимовича я давно знаю», – как-то даже весело отозвался Роцин. И тут одновременно со стуком в дверь появился как чёрт из табакерки запыхавшийся Илья. «Так вот вы где, заговорщики! – улыбаясь, воскликнул он, пожимая нам руки со значением. – У тебя, показал он пальцем на меня, виза есть. Советую тебе с отъездом не тянуть, всё равно будешь жить в общежитии, да и ребята там. Приедешь – всё организуешь, со всеми договоришься. Практика – дело великое. Я через неделю еду. Вон Шорин уже пиво пьёт с венским шницелем, он уже там клинья подбивает и к фирме, и к торгпредству. Связь у него со всеми и в Москве, и в Австрии, и в Германии имеется. А меня зачем звали?» «А расскажи нам, уважаемый Илья Акимович, как там с проектом и с составом оборудования, где наша, где фирменная ответственность», – поддержал я тон разговора. «Проект вчерне готов и завизирован сторонами. Устанавливать оборудование будем в уже существующих цехах, поэтому будем всё подгонять, так как цеха строились для другого производства. В зависимости от типа станков, веса и габаритов придётся менять фундаменты, коммуникации и многое другое. Проектировщики будут приезжать в Австрию и Германию, их специалисты в Союз. Работы – непочатый край. А пока возьмите копии планов производственных помещений и часть схем установки оборудования со спецификациями. Это пока основное. Главное – пробить финансирование и выехать всей группой. База заложена колоссальная, поддержка есть на самом верху, но пахать придётся... – затуманился Илья. – Телефоны у меня ваши есть, буду звонить. Пока ясно, что дело тёмное», – на ходу оптимистично прогудел Сам-

сонов и исчез, наверно, опять в табакерку. Рошин сидел и рассматривал бумаги, оставленные Самсоновым, переворачивал, водил пальцем, сопел. «Да, – изрёк он, – это же сотни миллионов долларов, а учитывая, что станины и другое крупное литьё остаётся за нами, может в сумме и на миллиард потянуть. Ну, ничего, не мы первые, не мы последние, «Станкоимпорт» при-тянем, химию, металлургию, да что там говорить... Часть станков, особенно прецизионные, придётся закупать за наличные, а потом копировать, хотя очень сложные они не продадут. Конечно, всякие сверлилки – строгалки тоже заковыристыми бывают, особенно с ЧПУ, видно, их заказывать придётся, чтобы заинтересовать австрияков и немцев. Ладно, сами подзарабо-таем и, глядишь, пользу принесём. Я возьму это всё домой, проштудирую, с кое-какими бое-выми ребятами – экспертами поговорю. Всё это не обязательно, однако...» Слово «однако» у Рошина можно было считать фишкой, так как в зависимости от контекста, ударения и выра-жения лица оно придавало разговору особенный колорит. Он, видимо, спешил, да и мне ему на настоящий момент сказать было нечего, тем более что мне не терпелось показать жене и детям паспорта и, наконец, поговорить серьёзно. Договорились звонить друг другу, имея в виду, что до отъезда времени уже оставалось немного...

Мне не захотелось сразу лететь домой, а появилось желание посидеть и подумать. Несмотря на то, что в Москве, как правило, спокойно размышлять не принято, а всё планиру-ется на бегу, я решил перебрать имеющиеся на данный момент факты, наметить план и забить его в подкорку. Что касается семьи, будем действовать на основании полученных из разговоров с различными источниками данных и пожеланий трудящихся (членов семьи). Берём всё для жизни в общежитии: посуду, одежду, постельное бельё и остальное только в меньших количе-ствах. Учитывая, что всё взять невозможно, контрольные функции принимаю на себя: я кон-тролирую жену, жена контролирует детей. Если согласия нет, вопрос откладывается на время и потом решается сам собой – признанный философами надёжный метод существования. Коман-дировку мне оформит завод или одно из министерств, на основании которой мне будут пере-водить рубли. Командировочное задание в адрес торгпредства мне выдал Иван Иванович, там выдадут и подъёмные. Что будет дальше, наверно никто не скажет, всё будет зависеть от финан-сирования проекта. Направление в железнодорожные кассы у меня на руках, осталось опреде-лить дату выезда. От неё зависят такие формальности, как увольнение с работы, выписка детей из школы, звонок товарищу Шорина, договорённости с фирмой и с Рошиным. Вот вроде успо-коился, теперь в бой, то есть домой. А дома меня уже ждали. Жена потерянно сидела на кухне с полотенцем на коленях, в мойке горбилась немытая посуда. Дочка читала что-то интересное, впрочем, как всегда. Сын носился по квартире, по грязным коленкам было понятно, что ещё не все машинки найдены, хотя, глядя на собранную кучу, напрашивался вывод, что больше просто быть не может. Оставив машинный вопрос на потом, чтобы не настраивать «личный состав» на сопротивление раньше времени, я прошёл к бару, даже не спросив Людмилу, выпьет ли она немного вина. Было видно, что выпьет. Налив бокал белого сухого (для беседы красное несколько уступает белому) и щедро плеснув в стакан виски (подарок шурина), я плюхнулся на стул, предварительно зацепив горку льда из холодильника, и вопросительно посмотрел на жену. Пользуясь демократическими устоями в нашей семье, дети быстро заняли места в ложе бенуара (ложа в театре больше кухни, но всё равно красиво) и подозрительно притихли. Сделав глоток прохладного напитка и закусив крекером, я, как мне показалось, твёрдо и с оптимизмом ска-зал: «Ну что, поехали?» Дочка как-то удивлённо посмотрела на меня, жена переложила поло-тенце на другое колено, а сын, крутя колёсики машинки, незаинтересованно спросил: «Куда?» «Знаешь, Вить, – назидательно проговорила Люда, ты всегда шутишь, причём серьёзно, вот и получается...» Пришлось достать паспорта. Увидев краснокожие документы, дети как-то поутихли, поняв, что это серьёзно, что их жизнь изменится в ближайшем будущем. Мудрая жена, не позволив детям мусолить документы, забрала их себе, а младшие члены семьи встали рядом с ней и внимательно наблюдали, как она листает страницы, даже не думая отдавать пас-

порта в их жаждающие ручонки. Оставив Люду с её тяжёлыми женскими мыслями и небыстрым перевариванием ситуации, я проследовал в гостиную, пытаюсь уложить в голове план действий на ближайшее время и сочиняю ответы на приближающиеся вопросы жены. Рассматривая вискарь как инициатор мысли, я добавил чуть-чуть и уселся, видимо, наморщив лоб. Прежде всего, надо посетить Шлиттера и сообщить ему о своём выезде, приблизительно обозначив дату. Понятно, что ему это «до лампочки», но вдруг что-то полезное скажет, да и мне ещё раз помелькать перед его очами не помешает. После визита звонить Шорину и получить одобрение своих действий. Одновременно уволиться с работы, и жене тоже, и получить справки в школе. Рощина проинструктировать, дать ему все фамилии и телефоны. Пусть выезжают втроём. А потом вошла жена! А потом позвонил Шорин! А потом позвонил Рощин! И оказалось, что берём с собой самое необходимое, надо составить список. Что-то всё равно придётся купить на месте. Борис с торгпредством договорился, поэтому выезжать нужно как можно быстрее, тем более что он этого «птичьего» языка не понимает, а переговоры ведёт каждый день то с переводчиком от фирмы, то на английском (боже мой!). Офис практически готов, и места достаточно. Телефоны Шорин мне продиктовал, но попросил, чтобы приёмщики по ним не звонили и замыкались только на меня. Решать мне надо всё самому, а ему нужна от меня дата приезда, чтобы организовать встречу, проконтролировать выделение жилья и обустроить место в офисе. С Жанной связываться не обязательно, о ней есть кому побеспокоиться (много чести, хоть и секретарь представительства). Рощин со всем сказанным мной соглашался, даже казалось, что кивал головой при этом. Его роль и значение в разворачивающейся пьесе пока окончательно не прорисовалась, но он мне заранее нравился своей спокойной логикой. Его совковая убеждённость, что о нём побеспокоится система, успокаивала и вселяла уверенность, что много беспокойства он не доставит.

Дата?! Ох, не успеем, не успеем! Дети, уборка, купить, родители, друзья, школа, работа! Квартиру сдать? Значит, звонить товарищу Шорина и предложить квартиру для одного из их сотрудников. Надёжнее и не придумаешь. Заодно провентилировать удобную дату отъезда. Вот с этого и начнём завтра. Люду это сразу устроило. Все любят откладывать на потом, вроде бы послабление, зато как расслабляет. На следующее утро был опять ноябрь, моросил мелкий дождь, и коллега Шорина со всем соглашался, и толку от него не было никакого, даже обидно. Чтобы успокоиться, позвонил Шлиттеру и договорился встретиться. Через полтора часа мы уже беседовали на смеси немецкого с русским и были друг другом довольны. Или это так кажется при международных контактах, когда дружелюбие лучится из глаз, а в кармане фига. Директор представительства рассказал, что все документы по финансированию проекта завизированы и находятся в Минфине. Общие цифры пересматриваться не будут, утверждён список поэтапных платежей. Речь идёт о первом транше, указание, о переводе которого будет получено, как он надеется, в ближайшее время. Шлиттер поддерживает контакт с курирующим замминистра, отношение к проекту доброжелательное, и у него нет сомнений, что дело вот-вот сдвинется. Мне удалось его немного сдвинуть с денежной колеи и коротенько коснуться технической стороны дела и своего отъезда. Директор сказал, что он сообщит о нашей беседе в головную фирму в Вене и попросил перед отъездом ему позвонить. Расстались мы довольные друг другом.

Директора завода не было, в отделе кадров начальница любезно мне сказала, что приказ о командировке подписан, осталось только вписать дату. Опять дата! Понял, что кроме жены вопрос с датой, конечно приблизительной, решать никто не собирается, и позвонил ей на работу. У неё приняли заявление об увольнении в связи с командировкой мужа, осталось получить резолюцию директора института с указанием даты. Договорились встретиться у железнодорожных касс и обрубить концы. Паспорта и требование на билеты были при мне. Приближались ноябрьские праздники, поэтому решили ехать после них. А пусть будет десятое! Действительно, почему бы и нет? С билетами на руках мы стояли у станции метро «Белорус-

ская» и чувствовали, что домой идти не хочется, тем более что с детьми осталась тёща, время которой было не лимитированным и бесплатным. Значит, шашлычная напротив гостиницы «Советская», куда можно было дойти пешком. На ходу как-то не разговаривалось. Шашлычная под названием «Шашлычная» была, по-моему, одной из лучших в Москве и марку свою держала. Заказав закуски, шашлык и вино, начали, перескакивая с темы на тему говорить о насущном. Оказалось, что страсти остыли, и мы уже свыклись с мыслью об отъезде. Все практические жизненные вопросы прояснились, остались только болезненные: родители, друзья, детские проблемы. Родителей и мою сестру решили объехать, а друзей накоротке собрать. На работе «фуршеты» – ведь когда-нибудь надо будет возвращаться. А остальное – по списку, в процессе, по обстоятельствам, вычёркивая и приписывая снова. Ну, за 10 ноября, чинь-чинь! И затуманились. Дома тёща была само внимание, дети с наглыми мордами построены, однако после сообщения о дате отъезда тёща как-то грузно опустила на стул и затравленно взглянула на дочь. Люда с присущей ей дипломатичностью стала лукавить, упирая на то, что мы ненадолго, что дети часто будут в Москве, да и вообще это недалеко. «Перед отъездом мы обязательно заедем повидаться, да и вопросов будет куча, без вас нам не справиться...» Тёща засобиралась, пряча лицо. Дети занимались своими делами. Коллега Шорина солидно всё записал, сказал, что проинформирует о дате. С Рошиным связался только вечером, обменялись шутками, что мне очень импонировало. Вопросов он не задавал, только проверил номера телефонов. После слов «до связи» я его из списка неотложных дел вычеркнул. Переписав список и расположив вопросы по их значимости, я понял, что надвигаются пьянки, а сборы будут между ними. Список друзей был невелик: один самый-самый ещё со школы, двое из института и курсов немецкого языка, двое из институтской команды по самбо и мой зам., с которым мы хлебнули много неожиданного и проверили друг друга на заводской ниве, что не забывается. Толя, школьный друг, знавший обо всех моих приготовлениях, был свободен как ветер и в любое время. Остальных я обзвонил и назначил время. Вот теперь надо всё покупать и готовить. Оставшиеся после сабантуя закуски и напитки будут пополнены, и образуется фуршет на работе. А с учётом имеющегося запаса спирта для протирки оптических осей и клюквенного морса есть надежда выслушать о себе много хорошего. Заводом займёмся на заводе, а сейчас примем челобитную от жены, к которой придётся отнестись благосклонно, хотя известно, что хорошее отношение очень затратное. В домашнем хозяйстве я соображал весьма поверхностно, что мне и доказала Люда, построив правильно беседу, где каждая часть завершалась оптимистично: «Ну, это мы решили», «Вот увидишь», «Это просто обязательно» и другие истины, проверить которые можно только в будущем. По ходу дела я заслужил похвалу, когда сказал, что завтра принесу упаковочные коробки, которые применялись на заводе, и, надо признаться, пользовались популярностью, всегда были в наличии и в строгих отчётах не фигурировали. Список был утверждён даже с большим количеством галок, которые обозначали предметы, находящиеся пока в магазинах. Жену, как единственную дочь, баловали, поэтому деньги в разговоре не упоминались. Поражённый быстрым достижением результата, включил телевизор.

На следующее утро меня принял директор и, как будто продолжая разговор, подытожил: «Рублёвые выплаты в положенном размере на время командировки завод тебе обеспечит. В отделе кадров и бухгалтерии дадут бумаги, а ты дай свой номер банковского счёта и, что надо, подпиши. Потом заходи». Всё сделал, зашёл. Директор стоял у окна, вид у него был расстроенный. Понял, как он постарел, и как я возмужал. «Не топчись (любимое выражение), садись, давай по рюмке, а то когда ты народ соберёшь, не до меня будет, поговорить едва ли удастся, – задумался, потом выдохнул. – Ты честный, надёжный человек, таких немного, и я тебя обратно возьму, конечно, если сам здесь буду. Только, знаешь, я тебе как близкому скажу, будь как-то настороже что ли, не допускай всех подряд к себе, анализируй, больше интуиции доверяй». «Спасибо, я учту, тем более, очень вовремя, мне это точно пригодится» – сказал я, принимая

из его рук бокал со щедро налитым директорским напитком – коньяком – и вспоминая последние нетипичные для меня события. Посидели, поговорили, как-то исподтишка разглядывая друг друга. Время болезненно сжималось, и я, понимая, что всё уже переговорено, распрощался, предварительно испросив разрешение собрать коллег в своём кабинете. Обойдя заводууправление и пригласив тех, кого положено и кого хотелось, позвонил Люде и договорился посвятить вечер покупкам. По ходу дела затарился у хозяйственника дюжиной коробок. Дома я продемонстрировал жене удобство такого вида тары. Не утерпели и набили пару коробок постельным бельём и кое-чем бьющимся. Поставили номера и составили опись. Теперь заклеить скотчем и перевязать шпагатом. Увидев результаты труда, который занял от силы полчаса, Люда успокоилась и пошла что-то готовить. Решив, что это хороший знак, я пошёл спать. Удивительно, но мне ничего не снилось. Утро выдалось спокойное и не суетливое. Почистил картошку, порезал подготовленные Людой овощи для салатов и стал ждать дальнейших указаний, прокручивая в голове свои планы и дальнейшие действия. Раздвинул стол, застелил его скатертью, поставил приборы и пошёл на кухню разделять селёдку. Разделал и с селёдочницей, ножом и разделочной доской, прихватив колбасу, окорок и сыр, вернулся в гостиную и всё порезал. Посмотрев сбоку, удовлетворённо произнёс: «Правильной дорогой идёте, товарищи!» и вернулся на кухню, где жена пекла пироги, ради которых и раньше захаживали гости. Ответив правильно на все вопросы, я вернулся опять к столу, протёр тарелки, рюмки и все инструменты, что было лишним, и уселся к телефону названивать родителям и сестре. До отъезда осталась одна неделя, а 9 ноября – день рождения мамы. А может быть, и отметим, поезд же 10-го. Вечером подтянулись все приглашённые, кроме моего зама все громкоголосые и не очень скромные. От холодной водки эти качества только усиливались. Юра, выучивший после немецкого французский и прочитавший несколько юмористических французских детективов в оригинале, цитировал героя Сан-Антонио, который, как и Юра, не скупился на сальные шутки до такой степени, что иногда смеялся один. Другие в основном спрашивали что, где, когда, давали советы и хвалили пироги. Самбисты вспоминали соревнования, сборы, хвалили меня за верность команде, но получалось так, что меня спасала не техника, а сильные ноги, на которые редко кто мог провести болевой приём. Но вполне доброжелательно, так как никто из нас спортом уже не занимался, если не считать рыбалку и сбор грибов. Расходились поздно, ослабленные, обнимались, желали удачи. Утром позвонил Толя и предложил помощь. «Спасибо, да!» И начал дорезать недорезанное. Верная подруга мыла овощи и варила яйца. Работа пошла интенсивнее, когда подъехал товарищ, но недолго, так как мужчины отправились в магазин. Сделав круг по району, купили всё, что смогли найти, забрали закуски и бутылки и пока ждали такси, выпили по одной за дружбу. Позвонил заму и попросил заказать Толе пропуск, и ждать нашего приезда, чтобы всё поднять наверх в правление от проходной.

Директор разрешил использовать переговорную, и я стал звонить и приглашать тех, кто ранее по поводу и без приглашал меня. Народ весело соглашался, хотя и чувствовалось, что уже ждали. Пришла женская часть моего коллектива. Они с удовольствием разбирали пакеты и сооружали праздничный стол, позаботившись о тарелках, приборах и, главное о том, из чего выпивают. По мере заполнения стола стало очевидно, что порезанные пополам и покрытые красной икрой яйца и ломтики ярко жёлтых лимонов не уступали картинам импрессионистов с той лишь разницей, что наш шедевр будет съеден. Директор просил начинать без него. Время, даже с учётом дипломатических допусков на опоздание, наступило, и пришедшие потянулись к столу. Долгоиграющий, вездесущий и известный всем Семёныч деловито прищурился и стукнул вилок по бутылке. «Ну вот, наконец-то мы направляем нашего представителя за рубеж защищать наши интересы. Он достоин. Надеемся, что его работа поможет созданию в Союзе машиностроительного комплекса, где наш завод займёт соответствующее место. Прошу поднять бокалы и выпить за сказанное». Потом были и другие тосты, в большей степени выдержанные. Шумок крепчал, сотрудники раскрепощались на глазах, группировались, рассказывали

анекдоты, бегали курить. Я обходил приглашённых с бокалом, шутил, и мне действительно были небезразличны эти люди и междусобойчик, который ставил, хочешь – не хочешь, точку с запятой в моей жизни. Елена Владимировна, одетая по случаю в праздничное платье, а не в какие-то джинсы, мило улыбаясь, спросила: «На кого Вы нас покидаете, Виктор Викторович? Надеюсь, за граница Вас не испортит, вернётесь в родные пенаты». «Да куда мне деться от родного до боли коллектива», – хмыкнул я, посмотрев ей сначала в глаза, а затем ниже подбородка, где было умело представлено то, что скрыть было бы просто преступно, да и невозможно. Женщины это прекрасно понимают и используют, поэтому «четвертинка» (устоявшееся прозвище), чуть прикрыв глаза («да поняла я, поняла»), добавила: «Конечно, Вы кремень, теперь, может, изменитесь, а Ваш приятель такой непостоянный, всё хотел меня куда-то пригласить, но, вероятно, дела не позволили. Привет передавайте». «Непременно, – улыбнулся я, – он наверно мучается бедняга, что предпочёл работу». Не успел поразмыслить о неизвестных мне ранее качествах Шорина, так как прибыл директор и, увлекая меня за плечи к столу, произнёс тост, смысл которого сводился к тому, что я хороший парень, и он ждёт меня обратно. Выпив рюмку коньяка и проглотив оливку, он подозвал моего зама и озадачил его в своей упористой манере. Крепко пожав мне руку и обняв, он, собираясь уходить, сказал: «Не забывай, звони, если надо – поможем, а я своё слово держу, ну, ты знаешь»... Праздник затихал, народ кучковался, часть отбыла восвояси, и очень хорошо, что уход по-английски никто не отменял. Верный друг Толя исчез со мной.

ПРОВОДЫ. ОТЪЕЗД.

На следующий день мы собирались. Оказалось, что чтобы уложить в чемоданы все подготовленные вещи не требуется много времени. Дети прониклись серьёзностью момента и не мешали. Несколько раз разговаривали с родителями. Мы чувствовали, что они откровенно огорчены, хотя старались этого не показывать. Договорились назавтра собраться у моих и отпраздновать день рождения мамы. Сестра тоже обещала приехать. Все были точны и в 2 часа уже сидели за столом. Толя тоже подгрёб, так как жил в 20 минутах ходьбы. Все были оживлены, обменивались мнениями по поводу и без повода. Мама вела воспитательные беседы с внуками. Тёща ревновала её к ним, а тесть никак не мог оторваться от отца и донимал его вопросами о политике. Отец был, как всегда, прямолинеен и непреклонен в том, что касалось личности Сталина, но заметив, что муж дочери, семью которого затронули репрессии, прислушивается, уводил разговор на международную политику и шахматы. Любое застолье заканчивалось импровизированными турнирами. После первой выпитой пришлось доложить обстановку в целом и затронуть такие детали как быт, школа, цены и наличие товаров в австрийских магазинах. А после второй под заливную рыбу посыпались советы. Когда первая волна советов схлынула, появились пельмени. Эти известные всему миру и непревзойдённые маленькие шедевры, начинённые мясом, заслуживают отдельной книги, сонетов, од и всего того, что потом всю жизнь напоминает нам почему-то о детстве, хотя настоящее удовольствие от них мы получаем, став взрослыми. В маминых рассказах они всегда присутствовали, их умели готовить и мои бабки, и мои прабабки. И мама их «ваяла» со всей присущей ей старательностью и наши похвалы принимала заслуженно и с гордостью. Отец тоже принимал участие, раскатывая тесто. Мы это знали и в тостах отмечали его заслуги. Единственный недостаток – это невозможность соблюсти чувство меры, и проглоченные несколько десятков этих маленьких вкусных помпончиков вечером мешали заснуть, что было неожиданностью. Выводы, конечно, были сделаны, а потом всё повторялось снова. Отец пытался нас веселить, читал свои стихи, нелепые, безразмерные, но полные чувств, так он считал. Мама грустно смотрела на меня, но делала вид, что всё нормально. Нормально не могло быть, так как мы уезжали далеко и могли увидеться только через год и то, если повезёт. Но мама никогда не плакала, во всяком случае, я не видел. Сестра громогласно шутила: «Вы служите, мы вас подождём, а вдруг и приедем,

кто знает». Разошлись поздно, обнялись, слов не было. Никогда я так далеко и надолго не уезжал. Тести вообще были в панике, но вида не подавали. Договорились, что никто на вокзал не поедет, грусть и так была непереносимая. Дома дети сразу рухнули, а мы, проверив документы и багаж, ещё долго говорили о том, о чём уже сто раз беседовали. Люда была необычно вздёрнута, волновалась, о сне не было и речи. Ну, ничего, всё равно поезд завтра вечером.

Проснулся от Толиного звонка. Он сказал, что приедет пораньше, а то мало ли что. Потом позвонил коллега Шорина и сообщил, что подрулит за ключами. А затем родители, зам., Рощин и т. д. Пришлось ставить водку в холодильник. Толя и коллега пришли почти одновременно. Сослуживец Бориса, тоже Борис, высокий мужчина с правильным лицом, оказался приятным собеседником и чуть-чуть задержался, но в меру. Взяв копии ключей от квартиры и вручив аванс, он откланялся, пожелал добраться, устроиться и дружить с Шориным. Толя нервничал и спрашивал, правильно ли идут настенные часы. Детей не было слышно. Люда заходила, смотрела на нас неодобрительно. Оставалось четыре часа до отхода поезда, начали таскать коробки и чемоданы в прихожую. Решили, что хорошо, что подойдёт вторая машина, с работы, да не просто легковушка, а маленький грузовичок, куда планировали засунуть все вещи и Толю. Толя не возражал быть засунутым, однако капризничал, блуждал, давал советы и требовал позвонить в таксопарк и на работу и поторопить с приездом. Мне тоже было не до смеха, нервы сдавали, и я отправился на кухню к телефону, по которому жена прощалась с очередной подругой. Люда положила трубку, и тут же раздался звонок с работы, спрашивали, как лучше подъехать. Затем позвонил таксист, и сообщил, что приедет через час. Броуновское движение возобновилось, только Люда сидела на кухне с потерянным лицом и в сотый раз проверяла документы. Толя, как и дети, то исчезал, то появлялся вновь и говорил, говорил... Получалось, что все уезжают и пропадают, забывают друзей, не пишут и никакой весточки от них не дождётся. Звонок в дверь, и весёлый молодой голос спросил, готовы ли путешественники. Открыв дверь, увидели двоих мужчин, один из них оказался шофёром с работы. Сразу стали хватать вещи, но «командиры» сказали, что сначала коробки и чтобы в машины сами ничего не складывали, они будут говорить, куда и как. И пусть жена стоит внизу и сторожит, а дети пусть не мешаются. Сын сказал, что поедет на первом сиденье и если... то вообще... Хотелось его стукнуть, но он уже убежал спрашивать маму, все ли его вещи взяли. Тоже схватил коробку и потащил её вниз. Таскали весело, и квартира быстро опустела, а гора вещей у машины выглядела угрожающе. Шофёры коробки не таскали, но укладкой вещей руководили умело. Вскоре всё уложили, и стало подозрительно ничего не видно, а от этого тревога только нарастала. Доехали благополучно, Толя подружился с заводским шофёром и взял у него телефон «на всякий случай». Поезд уже стоял у перрона, часть пассажиров беседовала у дверей, ожидая момента отправки и наблюдая, как мы суетились, таская коробки и чемоданы. На удивление всё уместилось. Купе как будто специально было спроектировано для укладки коробок нашего размера, поэтому можно было не только ехать, но и существовать. Сын сказал, что будет спать на верхней полке. Возражений не было, и мир быстро установился, тем более что провожающие нас в лице Анатолия, пожав руки и обнявшись, были удалены из поезда проводниками. Поезд, облегчённо вздохнув, мягко тронулся в будущее. Все были обеспокоены по-своему, поэтому сидели молча, вдыхая общность семьи и дороги. Мелькают за окном, сменяя друг друга ландшафты, из Московской области переехали в Смоленскую, затем пьём чай, и душа мотается в такт стучащим на стыках колёсам. Дети улеглись, Люда затуманилась, устало сидела у окна. А я стою в коридоре, уставившись в наступающую темень, не обращая внимания на проходящих мимо людей. Только когда уж сильно прижмут к стенке вагона, шевельнётся где-то внутри неосознанное недовольство, далёкое от раздражения, так как нервная система перегружена, а глубокая задумчивость напоминает состояние человека под наркозом: всё воспринимается как в тумане, нереально, и вместе с тем человек живет, дышит, что-то ощущает. В купе жена

находится в таком же состоянии, мчится вместе с экспрессом в какое-то другое измерение, и только доверчивое сопение детей напоминает ей о реальности происходящего.

«Персональное» купе позволяло нам всегда, при желании, уединённо поговорить. Правда, о своей будущей жизни за границей мы уже много говорили и с опытными «волками», и с теми, кто жил в Вене до нас, так что теоретически мы были проинформированы. Но опыт у всех, слава богу, разный, и по любому вопросу было много неясностей. Где и как будем жить, какими будут мои обязанности, как отнесутся к нам торгпредские, как вольёмся в Колонию, какие отношения сложатся с сотрудниками на фирме... Для двух-трёхлетней жизни эти проблемы, как оказалось, были немаловажными. Когда уезжаешь далеко и надолго в неизведанные края, особенно в молодом возрасте, в душе возникает физически ощущаемое напряжение. Это как натянутый до звона альпинистский трос, когда до вечного падения остался один миг, давящая жуткая тревога, что-то от дремучести наших предков, вечно ожидавших самого худшего. Объяснить такое состояние простой логикой невозможно. Это начало ностальгии. Слово для многих непонятное, так как они такого чувства не испытали, а может быть и не могли испытать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.